

Расшифровка интервью

Дата: 01.07.2015

00:00:01

Родственники с Москвы, что-то у меня все родственники живут же в Москве, там их много, очень много. Потому что семья по линии мамы моей, она была очень большой семьей. Мой, так сказать, прадедушка и прабабушка, у них было тринадцать душ детей. Прадедушка был машинистом паровоза, у него было семь-шесть сыновей и семь дочерей. И вот, можете себе представить, дореволюционный, это, конечно, XIX уже век. Он машинистом был, она, конечно, дома была, вот. Он всем дал образование, всем вот, две бабушки, моя бабушка, она была самая старшая среди них всех, так что младшая ее сестра, настолько моложе была ее, что она свою старшую сестру называла тетя Катя. (Смеется). Вот, интересно, что две сестры, значит это, Анна и Клавдия, между ними два года разница, они гимназию закончили, в Москву поступили в университет. Одна химиком стала, профессором была, а вторая физико-математическое, в этом, как же этот институт назывался, она сначала в промакадемии преподавала, а потом Станкостроительный институт такой в Москве есть, вот она там была. Они вот недавно только поумирали, все прожили больше 90 лет жили все вот эти. А вот бабушка моя, к сожалению... Но она мне заменила мать, потому что мама-то умерла в пять лет, да. А там кто, отец работал, он радиоинженер был, некогда ему было, а бабушки мной занимались, особенно она. И когда меня арестовали, она так сильно переживала, что ее паралич разбил, и она десять лет лежала, разбитая параличом, плохо даже разговаривала. Я все-таки успел приехать, когда ее застал, она вскоре умерла после моего приезда. Вот такие дела. (Смеется).

00:02:53

Расскажите про папу..

Про моего папу, да? Он рождения 1897 года, а старший брат у него, Александр, он рождения на два года старше - 95-го года рождения. А вот родители их, мой дедушка и бабушка, дедушка - Петр Яковлевич Беликов, он рождения 1845 года. И он, когда достиг определенного возраста, его в армию призвали - это еще крепостное право ж было тогда, да? И он в армии отслужил больше десяти лет, был фельдфеблем горной артиллерии, у меня сохранился его билет, между прочим, военный билет, выданный в 60-м каком-то году XIX века. Он отслужил в армии, а потом, когда с армии вернулся, женился на молодой украинке по национальности. Это город Грайворон Белгородской области теперь, а раньше это был город Грайворон Курской губернии. Я там тоже родился в этом городе. Вот. Так вот, а бабушка моя была крепостной, она 60...51-ого года рождения, и она застала, значит, в 62-м году был, этот самый, освобождение крестьян, да? Ей уже было 11 лет, так что она помнит, она мне очень много интересного рассказывала о крепостном праве, в том смысле, что они, например, очень ценили и всегда почитали, поминали Александра II Освободителя. И в тоже время, своих помещиков, у которых они служили, и им принадлежали как собственность, тоже поминали всегда добрым словом. Потому что они же, мы ж у них жили, на них работали, значит они нас обеспечивали всем: и питанием, и одеждой - всем. Так что отношения были не то, что там, вероятно такие случаи были, когда продавали там, знаете, крепостные друг друга продавали, бывали такие случаи. Возможно, и такие были помещики, но в основном то, конечно, нет.

00:05:34

А как мама и папа встретились?

Отец мой, значит, я ж Вам рассказал, в 17 году, когда он служил в армии, он был младшим офицером по связи - он связист сам был. Вот. И его часть находилась в Бессарабии, в городе Ясы. Какая это часть, я не знаю. То ли это батальон, или полк, или может батальон... Не знаю, какая часть в смысле размера это части, но эта часть в 17 году в октябре целиком, полностью перешла на красную сторону, сторону красных. Так что, отец не по своей воле, так сказать, бросил то и перешел, а вместе с частью перешел, и стал воевать, участвовать в Гражданской войне. Значит, начиная с 17 года по 22 год. А тот, тот немножко на год раньше и призывался, старший брат. Тот стал офицером, курсы прошел трехмесячные, и стал офицером артиллеристом, и уже дослужился к концу до поручика и воевал сначала в армии Деникина, а потом в армии Врангеля. И вместе с армией Врангеля в 20 году они уехали сначала в Турцию, а потом в Югославию. Там он и остался, там он и учебу закончил - Загребский университет - и стал профессором. А потом увлекся религией, стал религией интересоваться. И вот, когда была... Это какой это год был.. когда президент Югославии - Броз Тито, что-то такое, с нашим Кремлем что-то такое было сцепление, поссорились в чем-то, я не знаю. И тогда, помню в газетах, этого Тито всегда рисовали карикатуры с фашистским знаком (смеется), вот такие, вот

хотя он коммунист конечно. Вот. И в это время... Он, а ведь после революции, самое большое количество эмигрантов русских это было три пункта: Югославия, Прага (Чехословакия) и Берлин. Но большая часть, большая часть, была в Югославии. Туда эвакуировались, я потом там, когда был там, в Югославии, я там все поездил, все очень много интересного узнал. Туда, например, целиком кадетских, три кадетских корпуса целиком, и ученики, и профессора, все туда переехали. Монастыри женские целиком полностью туда переехали. Дальше, этот как он, называется, военный, юнкоровское училище тоже полностью туда переехало. Короче, очень много там у него было заведений и русских там очень много было, потом постепенно они там расплывались, некоторые поженились на местных. Уже потомство пошло другое, но первое время, туда очень много. И этому способствовал очень, король этот самый, Югославии - Александр.

00:09:12

А где вы родились и в каком году?

А?

00:09:17

Где вы родились?

Я родился в 24 году, в январе месяце, в городе Грайвороне, тогда Курская губерния была. Так в метрике написано: город Грайворон, Курская губерния. А потом разделили: Белгород стал отдельной областью, и туда вошел Грайворон. Там жила и бабушка та, и бабушка другая - обе там жили. А отец, значит, мой, когда служил, воевал, значит, на стороне, то он - только точно не помню дату - или в 19 году, или в 20 году, он вдруг заболел тифом. При том, тифом брюшным - это очень тяжелый, в то время эти болезни вообще не выдерживали. Умирали в основном. А тем более война же шла. И он там как раз, как раз это дело было где-то в Бессарабии, и его из армии исключили - ну, больной человек. И там какая-то женщина, совершенно... Где он там останавливался, она за ним стала ухаживать. И она его выжила, он остался жив. Он вернулся домой, и вот он там встретил мою маму, которая в гимназии училась, закончила в Грайвороне, и он на ней женился. А мама жила там со своими родителями: папа и мама, и она, значит, была дочка старшая, потом на 10 лет Раиса моложе - вот эта вот, которая на фотографии. И еще на 6 лет моложе брат был, два года от меня старше всего лишь, Николай. Вот у них такая вот семья была. И вместе с семьей, они две семьи жили, старший брат был Михаил Сурин, у того было три дочки и три сына, у старшего. Они довольно состоятельными были людьми. Арендовали землю, выращивали пшеницу и продавали ее за границей, так что богатые считались, так сказать, люди. Вот. И когда советская власть пришла, то этого старшего брата без суда, без следствия, вытащили на улицу и тут пристрелили прямо около дома. И эта семья старшая, тогда уехала оттуда. Уехала в ближайший город туда был Харьков, там 80 километров, а Харьков был столицей Украины до 34 года, так что туда эта семья уехала, т.е. вот эта жена со своими детьми старшая. А тот брат младший, мой дедушка, он остался там, и стал жить. И его тоже арестовали в 29 году и в Архангельск на три года. Дом отобрали, все забрали... И она, бабушка, куда поехала к сестрам в Москву приехала. Обе тут сестры, тут три сестры было, и брат тут еще жил, она тут и стала жить. И Раю свою забрала, и младший совсем сын был этот ее - Николай, а отец мой... Он тоже закончил институт - радиоинженером стал, и был направлен в Харьков, организовывать там радиоузел. Вот этот, знаете, тарелки эти висели, вывод вот такой тогда ж такое радио было. И вот там отец, в 27 году он туда приехали мы с мамой, я и он. Там сначала на частной квартире, а потом там дом выстроили они, получили двухкомнатную квартиру, он там стал работать. Так там потом и остался. И я там потом вырос, там стал жить, но каждое лето, как лето наступало, школу кончал, я сразу - в Москву к этому, к тете, дяде. Тут эти все родственники, я тут все лето всегда до самого 30 августа. Я только выезжал из Москвы, чтобы к 1 сентября в школу попасть.

00:13:50

Какие о маме воспоминания остались?

О маме? Я вам скажу так, интересно то, что она гимназию закончила, но что такое гимназия? Это среднее образование, да? Она прекрасно говорила по-французски, свободно говорила по-французски и немецкий язык так более-менее знала хорошо. И латинский они изучали, и немецкий язык, так сказать она образованная была. Она работала на почте там. А потом, когда в Харьков переехали, я родился тут, она уже не успела работать. Нигде не работала. Отец работал, а она нет. Стала болеть-болеть, у нее все головные боли, там потом опухоль образовалась и, операцию когда ей делали, она скончалась. Вот такая у мамы история была.

00:14:37

А какие у вас самые такие запоминающиеся детские

Детские? Вот в Харькове, например, мы жили, да. Я вот помню хорошо этот, какой приблизительно, 29 год, 30 год, даже 28 год помню. Мне было 3-4 года, да. Это был, удивительное... Это всегда всем рассказываю, и в этом смысле удивительно, как все это произошло. Почему у нас сейчас так не может, ведь все-таки не порядок у нас, экономика и все не ладится. С сельским хозяйством, тем более, тоже не ладится, а тогда ведь кончилась только Гражданская война, да. Разруха, люди погибли, интеллигенция вся в основном была арестована: или сидела, или выслали насильно за границу. Помните, слышали, пароходом отправляли всех ректоров университетов собрали, профессоров всех отправили туда. Это ж знаменитое было выражение Ленина: интеллигенция наша русская - это говно. Есть такое выражение. В историю вошло. Вот. И, казалось бы, ну как, как тут можно восстановить хозяйство, ведь в эти годы, в период Гражданской войны, Вы знаете какие деньги ходили: миллионы, миллиарды даже, то есть вот эти бумажки, отпечатанные, их даже не резали на отдельные купюры, а вот так вот сворачивали и так расплачивались. Вот такая картина была, то есть экономика в разрухе полной была. И Ленин действительно сообразил, что крестьянство, конечно, состав крестьянства в то время составлял приблизительно, более 70% населения России - это были крестьяне. Им, конечно, после революции землю раздали, все частное ж было, тогда ж не было никаких колхозов, ничего. И вот им разрешили, а в городах разрешили частную собственность: заводи любую фабрику, завод, что хочешь, торговлю заводи, и за два года все восстановилось. Ходили копейки, копейки все стоило. Ведь тогда, во-первых, ходили серебряные деньги: 10, 15, 20 копеек, 50 копеек и рубль - это были серебряные. А медные были, значит, полкопейки, даже полкопейки было ходила такая монета -, копейка, две, пять - это были красные меди, Вот такие вот пятаки были здоровенные. Вот. Я помню очень хорошо этот период, потому что, когда мы на частной квартире жили - комнату снимали, рядом с этим домиком, выйдешь тут, палатка стояла. Отец мне давал 10 копеек: «Сходи в палатку, возьми бутылочку пива». Вот я шел, только из дома выходил, доставал до прилавка еле-еле, а он уже знал меня, то, что я рядом же жил. Давал ему 10 копеек, он мне давал бутылочку пива и вот такую горсть конфет - я пол кармана набивал. То есть три копейки стоила булка хлеба. Ну, зарплата была приблизительно такая, конечно интеллигенция тогда ценилась, такие профессии как: адвокат, врач, учитель - они получали приблизительно 25 рублей в месяц, а рабочий получал максимум 10 рублей. И это было достаточно.

00:18:52

К А каким Вы в детстве были?

Корову, корову можно было купить за 7 рублей. Можете представить. Я помню так, что когда они меня вместе брали в магазин, то что-то такое, как он там, не знаю, расплачивался, но с собой что-то такое не брали с собой, брали с доставкой на дом были. На дом смотрю, мы пришли домой, нам приносят такой, вот такой вот, ящик, разделенный пополам полный апельсинов, целый ящик апельсинов. Или шоколад покупал отец, вот такие, значит, кубик - знаете, такой вот, вот так вот, такой высоты, ширины куб такой. Вот такой развесной шоколад. Вот такой огромный куб один, а второй с орехами, вот в шкафу там стоял такой. Отрезал шоколад и ел шоколад. Все было дешевое страшно. И эти магазины, ведь продавцы так вежливо всегда относились. Мама была на рынке, я с ней бывал. Порядок был такой: Вам нужно что-то, Вы покупаете, например килограмм мяса или, там, например, или фрукты берете, например, берете. «Нам надо килограмм яблок», она там взвешивает килограмм, пару яблок туда еще с «походом» - такое выражение было. С походом. Это Вам с походом. Привлекает так, значит, заинтересовать покупателей. Вот такая была картина - тогда этот НЭП. И вот когда Сталин постепенно пришел к власти после смерти Ленина в 24 году, да. И прошло, сколько тут, значит, когда коллективизация, в 29 году началась, коллективизация - все рухнуло сразу, потому что, все эти частники попали в тюрьму, конечно. Против капиталистов же настроено было все. А всех, этих самых, крестьян стали загонять в колхоз. И ведь с 29 года колхозники... Они по существу, сравнить их положение можно было с рабством или крепостным правом, потому что городские жители все имели паспорта, а крестьяне не имели. Колхозники паспортов не имели. Они даже для того, чтобы поехать в город, по каким-то надобностям, он брал справку у себя или в колхозе давал справку, что ему разрешено туда поехать, или в сельсовете в своем, что он едет туда. Потому что если бы его тут задержали без паспорта, то его могли бы привлечь. Вот в таком положении крестьяне находились, колхозники, до какого... До 58 года. В 58-м году при Хрущеве только всем крестьянам выдали паспорта.

00:22:17

Отношения...?

Да их очень мало осталось.

00:22:19

Отношения у родителей...

Какие отношения у родителей? Очень хорошие отношения были, все. Отец очень ухаживал за мамой, она болела. Я помню в больницы мы ходили, вот. Когда она умерла, не задолго до ее смерти, перед операцией, я помню, когда мы с бабушкой пришли в больницу, а я уже знал палату, побежал сразу туда к ней. Подошел, ее постригли, перед операцией, вот я побывал. А потом прошло несколько дней и под операционным столом она и умерла. Хоронили ее, помню. Вот. Там рядом, значит, больница, потом рядом дорога проходила и через дорогу кладбище было - ее там похоронили. И прошло два года всего лишь, и, вдруг, в Харькове в 30 году стали строить ХТЗ (Харьковский тракторный завод). И он находился по этой дороге, проехать через Харьков, за городом - значит, надо было дорогу строить, тут дороги не было. Кладбище снесли: бульдозер пришел, все разровняли и дорогу сделали. Без всяких предупреждений, без ничего, так что могилы мамы не осталось вообще.

00:23:48

А школьные годы свои помните?

А?

00:23:51

Что помните из школьных лет?

Из школьных лет помню вот что: я в 32 году поступил в первый класс, тогда принимали в школу с 8 лет. А 1 сентября 32 года мне исполнилось, уже сколько, 8, а январе-то мне уже было 9. По сегодняшним временам меня могли раньше принять в школу. А я тогда пошел туда, помню, отец мне говорит: «Ты возьми свою метрику», а школа там тогда рядом была - начальная школа была 4х классная. Говорит: «Ты походи и поступи в школу». Я пришел и показываю это дело, значит (смеется) «А родители?». Я говорю: «Папа на работе, а бабушка дома». «Ну ладно, давай, записать. Ты, говорит, хоть считать умеешь?» Я говорю: «Я умею, почему же, я умею и читать и считать умею». Она проверила меня, и меня сразу в этот, в самый... Там классов было сразу много. Самый старший и два класса-то были уже более-менее. А те, которые там пониже были менее успевающие. Вот я попал в школу. Вот я ходил в эту школу, но мне там не интересно было, потому что начали они там Азбуку учить, все, а я уже читал все. Потому что занимались со мной: я читал и считал - все прекрасно знал. По обычным правилам, как до революции было, бабушка мне рассказывала, что дядя Саша, например, старший сын, когда пошли в школу его определять, его сразу в третий класс, говорит, поместили (смеется) Вот, а я попал, поэтому мне там неинтересно было, и я, очевидно, себя плохо вел, потому что учительница посадила меня на эту парту, которая перед ее столом была. И чтобы меня отвлечь, она доставала какой-то учебник такой, а тетрадки и учебник все выдавали нам. Их было недостаточно, например, отдельные учебники давали на троих один, и мы дома там передавали друг другу, чтобы заниматься можно было. Вообще очень тяжелое положение было, потому что карточная система ж была. Очень тяжело. В школе нас кормили: обеды были бесплатные, вот. И она мне давала текст: «Вот, переписывай» и тетрадку давала, и я сижу, переписываю, чтобы не мешать другим. Поэтому учился я очень хорошо. Четвертый класс - это 36 год был - закончил эту четырехлетку с грамотой, круглые пятерки у меня были. И в это время построили новую школу недалеко от вокзала в Харькове, красивое четырехэтажное здание, такое, ну, по последнему, так сказать, тем временам школа: паркетный пол, все такое. Вот я туда попал в эту школу. И вот я проучился там с 36, значит, по 41 год, я успел закончить 9 классов. И 9 классов - не успел я уехать в Москву, то я тут бы и остался. И меня бы призвали в армию в 42-м сразу. Мне 24 год пошел. В армию в 42-м году. И моего возраста люди очень редко остались в живых, они все остались там, потому что первые годы войны, 42-й год, - это неудача полная: плен, погибли миллионы и так далее. А я не успел ехать, и меня застало как раз начало войны в Харькове. Вот тут интересно, как восприняли это дело. Во-первых, паника, большая паника. Потом приказ по городу был «Сдать всем радиоприемники», у кого приемники есть - всем им надо радиоприемники сдать. Три пункта на весь город устроено было, целые толпы приносили туда приемники и получали бумажку, что они сдали. Это для чего делалось, чтобы не слушал оттуда никаких сообщений. Но отец мой был, все-таки, радиоинженер, у него там оставался еще остался, я его не сдал, коротковолновый, такой приемник, примитивный. Для каждых волн надо было разные катушки эти вставить, в общем, примитивный самый такой металлический ящик. Он был, остался, и я им пользовался все время. Так что я все время слушал Москву эту, и Левитана, мне это интересно было слушать. Вот. И тут, значит, когда... Да, тоже еще интересный эпизод я могу рассказать. У нас в классе, довольно дружный был такой класс. Ну, значит, ну, война началась - надо ж было фронту помогать. И мы всем, компанией большой, человек 10 наверное нас, может, меньше, пошли на этот тракторный завод, а тракторный завод сразу переквалифицировали - он стал выпускать танки. На танки, то, что гусеничные выпускал трактора. Вот. И мы пришли на этот завод, нас

директор принял. «Мы приехали фронту помогать», а он нас спрашивает: «А что вы умеете делать?» - «Ну, давайте, что мы будем танки делать, чего ж делать мы приехали!» - «Нет, братцы, вы ж ничего не умеете делать. Я могу вас оформить сюда, но работа будет такая: стружки из-под станков вывозить, грузить что-нибудь, там уборкой заниматься». - «Нет, какая нам работа? Какая ж это помощь фронту?» Мы ушли без ничего оттуда, а когда отцу рассказал это дело, своему, он: «Ты, если хочешь фронту помогать, то я могу устроить у себя радиомонтером». Я говорю: «А что это такое?» - «Вот надо. Сейчас же люди сдали все радиоприемники и, нигде радиоточек нет. Сейчас такие пачки заявлений лежат у нас - надо проводить радио. В каждую квартиру, чтобы было радио. И ты с каким-нибудь, тебя поставлю с этим монтером старым, ты с ним поработаешь немножко, потом будешь сам работать». Ну я пошел, меня приняли туда. Стал я в Харькове радио проводить по квартирам. Тогда все ж примитивно было, не так как сейчас. Надо было все это вручную: дырку пробить, надо было, не буравчиком, таким как сейчас. Знаете, электрический? А все это вручную, и потом, провода ж были не так как сейчас, тогда на роликах по стенке велось, через стенку. На роликах плели провод - два ж провода надо плести его на ролике, обвязывать вокруг, чтобы он не соскочил - в общем, сложно было тогда. И вот я начал работать, ну, месяц я походил, а уже помню в июле, я уже пошел сам работать. Целая пачка у меня этих, я выбирал, где там полегче, в первую очередь пойти. Вот работал таким монтером. И вот самое интересное тут: в нашей школе, в которой я учился - устроили госпиталь. И вдруг меня, с другим монтером, туда направили, чтобы в каждый класс нужно провести провод. Там же раненные лежат, чтобы они могли радио слушать. И мы там, наверное, недели две работали с ним вдвоем, в классе. И вот там первые впечатления, жуткие, они у меня остались на всю жизнь. И Вы знаете, вот, до сих пор, как-то эта сторона, мало она везде, какие-нибудь публикации и сведения на этот счет есть. Потому что я помню там: зашел в один класс, где там стояло 6 или 7 кроватей, раненные, это тяжело раненные лежали, такие, у которых ни рук, ни ног - вот такие были. Ну, обрубки лежат, представляете, такой раненный? Или раненный лежит, у него челюсть оторвана, вся нижняя часть оторвана, и вот, они лежат там. Все время около них ходят эти медсестры, они ж там кормят его, ему же... Под себя еще ходит - за ним же все время ухаживать. Я когда посмотрел, жутко мне так стало, а потом, когда это все прошло, я всегда вспоминал: почему ж об этом никогда нигде ничего не пишут? Что с этими людьми потом стало? Их же не единицы были, много было. Если в Харькове там лежало их в одном только госпитале столько, значит, их вообще-то много было. Как же они были устроены? Так и остался для меня этот вопрос не выясненным. Как-то была, однажды я где-то, маленькая информация, что таких людей поместили в отдаленные монастыри, которые были, конечно, отобраны у церкви и приспособлены для этого, подальше: у Валаама, там было еще в каком-то. Такие люди там находились. Они пытались покончить с собой, просили, чтобы не сообщали своим родным об этом. Там такое было. И все, больше я ничего не слышал. Потом никак, не знаю. Это я про это самое. И вот, фронт стал подходить к Харькову. И приблизительно, когда ж это было. Значит, я помню, что немцы вошли в Харьков 17 октября 41-ого года. Ну, поэтому, когда Левитана я слушал, он сообщал, что идут упорные бои за Харьков, там, все такое прочее. Но тут в Харькове, что случилось: начальство все уехало, евреев очень много было в Харькове, они тоже покинули город - большинство из них. Вот. Этот самый город остался без властей, значит, что началось там: население начало грабить магазины, склады, тащить, этот с пекарни, там со всех, все, что можно было. Все это разграбили. И три дня, три дня, там никого не было: ни немцев не было, ни наших никого не было. Мы помню с моим приятелем, там школьным, Коля Марценко, такой был, ходили все время по всему городу, смотрели за всем этим, что там происходило. И потом, значит, 17 числа утром, а отец куда-то со своей женой - мачехой моей - куда-то они на окраину города куда-то, к родственникам ее поехали, они там были и я в квартире оставался один и вот слышу, тарабанят в дверь. Я подошел, открываю дверь - стоит немец. Я обомлел, как же так, идут упорные бои (смеется), а никого тут не было: ни стреляли, ничего - и вдруг немец, солдат-немец. Он молча заходит в квартиру и стал ходить по комнатам, ну и я за ним тоже. Вот он подошел к гардеробу, открыл гардероб, а там висела отца форма - связиста. Они носили связисты форму такую темно-синюю: кителя, брюки, голубенький такой кант тут был у отца, и петлички. У отца было как старший инженер, у него две звездочки было. Он значит показывает: «Коммунист?» - «Нет, говорю, радиоинженер». Он закрыл. Потом он подходит, значит, к буфету, а там стояла такая банка, литровая, наверное, банка с подвилком. Он эту банку забрал и к себе в сумку поставил, потом зашел в ту комнату, где отца комната была, а там, значит, кровать двуспальная была, значит, покрыта, как тогда было, одеяло такое сверху светлое, а под ним было у отца широкое шелковое желтое ватное одеяло. Вот он это одеяло свернул подмышку и ушел. Ничего не сказал. Вот так немцы зашли. Я удивился, как же так, что ж такое? Стал радио - опять поймал Левитана. Левитан: «Идут упорные бои за Харьков, немцы несут потери, столько-то пленнных взяли, столько-то подбито танков там насчитал». Что-то такое. И целых три дня подряд такая была, все время немцы уже тут стали приспособливаться. Уже вошли даже в нашу квартиру, меня прогнали с этой комнаты, одну комнату заняли, да Левитан сообщает, что идут упорные бои за Харьков. Потом, наконец, через 3 дня только, я наконец поймал Левитана: «После упорных и продолжительных боев, наши войска оставили город Харьков, немцы понесли огромные потери». Вот такое было сообщение. (Смеется). И вот, прошло, наверное, неделя: ведь ни магазинов нет, ничего нет, такая

обстановка. Отца, кстати, в армию не взяли почему, потому что отец в 32 году отец заболел туберкулезом, а тогда туберкулез - это была болезнь очень страшная, тогда не лечили. Сейчас запросто лечится, нашли там этот препарат, как он, забыл, называется? А тогда лечили туберкулез очень примитивным способом, единственный был такой способ. Туберкулез- это, значит, лопнули сосуды на легком, ранка образовалась, и она кровоточит, почему и харкает он обычно с кровью. И вот, делали что, длинная игла такая, прокалывали через грудь, доставали до пленки этого лёгкого, которое повреждено и надували воздухом его, и лёгкое зажималось, и оно не работало. А раз не работало, то ранка могла заживать, затягиваться, рубец тогда оставался и все. Вот ему делали такие вдыхания: сначала часто, потом раз в месяц, потом раз в полгода - все время поддували. Поэтому его в армию не призвали, он так и остался дома. И вот, прошло, наверное, недели две, вдруг днем подъезжает машина - немецкий офицер выходит из нее и спрашивает: где тут инженер Беликов? - Испугался, и мачеха, эта моя испугалась, - отца забрали и увезли. Что думать? Как? Почему его забрали? Мысли всякие в голове нехорошие. Но вот, часа через три-четыре он пришел домой, оказывается его туда, они пришли туда на радиоузел Харьковский и решили восстановить узел, чтобы он работал. И вот там нашли эти списки и отца, и всех монтеров, всех пригласили туда и заставили их там работать. И узел вскоре был восстановлен и стал работать узел. А прошло, зима прошла, кормиться чем-то надо. Я в это время...Жители города Харькова, горожане все, чем стали питаться? Стали ходить в деревни пешком, саночки, деревни. И там ходили всякие вещи: одежду какую-нибудь, предметы домашнего обихода, кастрюли, сковородки - все это тащили туда и меняли там на зерно у крестьян. И я пару раз успел сходить в течение, вот, зимы 42 года: в декабре раз сходил, и потом в январе я сходил километров 30 от Харьков. Деревня Староверово такая была. Я ходил и менял вот это все, помню сковородки, что-то еще отец там давал, и привозил понемножку такого зерна. У нас мельница, знаете, такая была - кофемолка такая, тогда ручные были. Вот на таких крутили, это самое. Делали лепешки и вот питались этим. Но отцу там стали давать паек ему, выдавать. Хлеба он сколько-то немного получал - на всех не хватало же. И вот, вдруг, в марте месяце 42-ого года объявление было по городу, что все жители города должны явиться в комендатуру за регистрацией с паспортами. И вот явились мы туда с паспортом, меня посмотрели и паспорт оставили у себя - не отдали. А всем ставил штамп, что зарегистрировали, чтобы его, когда забирали, мало ли партизан подумает или еще что-нибудь. Вот, а мой паспорт там оставили, оказывается всю молодежь, а мне- то уже исполнилось в 42-й год. Это сколько мне уже? 18 лет. И мне объявили, что такого-то числа явиться на вокзал - отправят меня в Германию, увезут. На работы в Германию молодежь увозили. И вот мои школьные товарищи и я тоже попали в это дело. Ну, а куда деваться?

00:44:37

И куда вас повезли?

Прямо в Берлин привезли. (Смеется). Везли через... Как-то так странно везли, прямо из Харькова повезли на Киев, дорога была уже перешита на узкую колею. У нас же широкая колея, а везде за границей и этих: в Югославии, Румынии - везде узкая колея железная дорога. Сначала на Киев, потом с Киева на Минск, а с Минска на Брест, и потом через Польшу прямо в Берлин - меня вот привезли, мой эшелон привезли.

00:45:17

А на чем вы передвигались?

А?

00:45:22

На поездах Вы ехали или на чем?

Товарные вагоны, тогда товарные вагоны были маленькие две оси. Сейчас двухосные и двухосные тележки. Четыре, так сказать, колеса - с одной стороны четыре. А тогда два с одной, и два... Маленькие они тогда были. И военных так возили, потом меня... Я ж военный был потом. Вот в таком вагоне закрытом нас везли. И до самого Бреста, пока нас везли, то, что с собой мы взяли там: у кого сухари какие-нибудь были, вот, чем-нибудь, питались. И только в Бресте нас помыли, опять покормили там каким-то... какой-то похлебкой и потом привезли в Берлин. А в Берлине там был такой общий лагерь, куда свозили, а к этому лагерю приходили хозяева фабрик, заводов, и набирали себе рабочую силу. Кто по специальности там был, а у нас-то никакой специальности-то не было, чего мы, 9 классов закончили. Ну, потом я попал на одну такую фабрику небольшую, деревообделочная фабрика была, она мебель выпускала. Маленькая фабрика частная была. Ну там человек 200-300 работало всего. Ну, а вовремя время они приспособились, значит, выпускали, что они там, ящики там для снарядов для бомб и так далее - упаковочный...такая...материал. И потом два цеха сделали механические, поставили токарные станки, все, и делали полностью гранату. Граната немецкая была деревянная ручка,

а тут стакан металлический, а внутри там шел шнур такой, тут закручивалось, и, вот, когда гранату неразборчиво он откручивал, дергал шнур и потом бросал. И в даль удобно было бросать ручкой, у нас таких гранат не было, у нас круглые были лимонки- я-то знаю хорошо. Вот, эти выпускали там. И вот меня определили в этот механический... Сначала я там траншеи рыл, что-то такое там, - грязной работой всякой, занимался, а потом меня там определяли. Там рабочий день был к 7-ми часам мы приходили в цех, начинали работу, пол девятого двадцать минут перерыв нам делали- привозили завтрак, в 12 часов - 25 минут перерыва на обед и до 6 вечера. В субботу работали полдня, война шла, а работали там полдня немцы. Интересно. А в воскресенье, конечно, не работали. Праздник там Пасха, ну Рождество особенно. Они очень...У них самый главный праздник у немцев, это Рождество, они Рождество празднуют и Троицу - это три дня не работали совсем.

00:48:42

Сколько лет вы там пробыли в Берлине?

До самого.. Все время там я был. Вот когда уже наши войска стали подходить, с Польши стали подходить к границам немцев, мы решили идти на встречу своим. Бросили все. Мы уже ходили свободно там, куда хотел - ходил свободно не в рабочее время. Поэтому я там и в кино ходил. И мы пошли туда пешочком, туда навстречу нашим войскам. И потом, там вот приблизительно это уже было в марте, наверное, 45 года, в начале марта, и мы подошли там и встретились с нашими войсками. Нас сразу там эти СМЕРШ, такая организация КГБшников такая была, проверили, составили анкету и сразу в армию, в армию. Кто пожилые были, тех домой отправляли, а нас сразу переодели и в армию, и мы двинули опять на Берлин. (Смеется). Вот так что я тут немножко и повоевал. Я вам не показывал фотографию, тут интересная фотография была такая. Во (показывает фотографию): Берлин. Какого это числа? Не написано тут, но так поминаю, что это приблизительно 10 или 11 мая, то есть через три дня после победы. Это в Берлине. (Смеется). Вот, но настроение, конечно, было такое: ну слава богу, мы теперь поедem домой. Вот, но оказывается ничего подобного. Оказывается в армии в это время нас уже судили. Знаете, с какого возраста люди? Самые старшие были 1895 года рождения - это, значит, 50 лет в возрасте, даже такие еще были. И вот сразу уже в августе, по-моему, или сентябре, или в начале сентября, стали отпускать домой, кто родился с 95 по 905. Это значит, кому 50... от 40 до 50 - вот, первая партия. Это всех демобилизовали, а наших всех заставляли служить. И я в Берлине там, как раз находился вместе с этой своей в пехотном полку, в это время встречались мы с американцами, с англичанами там, кого только не было! И канадцы, и Новозеландия были войска, французы. Самые хорошие отношения были с американцами, они нас очень уважали, всегда угощали, все. Самое, я там страшно было поражен такому: Берлин же разделили на четыре части. Кому: французам, англичанам, американцами и нам по кусочку город. Там были комендатуры, но свободно ходили к друг другу, тогда не было еще ничег . Это потом объединились там это три и Восточный Берлин и Западный Берлин, а тогда свободно ходили. И вот мы там много ходили по Берлину, я тем более Берлин хорошо уже более-менее знал, и ребят этих своих - «Пойдем туда»- и мы в Западный Берлин пойдem к Рейхстагу туда и дальше туда. И вот мы там везде ходили, и потом дошли довольно далеко. Там идem по улице и вдруг читаем, по-русски написано «Ресторан Байкал». Что такое? Я в Берлине там сколько был, а оказывается не знал, что там русский ресторан «Байкал». Мы зашли туда с парнем этим, молдаван такой у меня был сержант со мной, мы заходим, нас очень хорошо приняли, угостили обедом, оказывается там какая-то баронесса знаменитая какая-то, по фамилии...ушла, в 17 году еще уехала, там открыла ресторан и все время там работала - но это в американской зоне. Вот, пообедали мы там. Потом вышли «Ну, как же мы там... домой-то?»- надо ж домой когда-то идти, транспорт же не работает, ничего. Мы вышли на это шоссе Унтердерлинден и стали голосовать, чтобы нас машина какая-нибудь подвезла. Вот одна останавливается: значит, такой небольшой грузовичок, тут, значит, шофер сидит, рядом сидит черный, как этот самый, негр сидит. Ну, как мы учили в школе, я знаю негров там чуть ли не вешали, Ку-Клукс-Клан и прочие, всякие прочие организации против негритян. А тут негр сидит, надо же, я думаю, а он еще и офицер. Я был поражен, неужели офицер воюет. Потом-то я увидел там совсем другую картину. А там еще один там сидел. Ну, мы сели, показываем нам то направление, ну по-немецки мы еще могли как-то немножко объяснить, а по-английски ни бум-бум, так что кое-как. Едем-едem, вот уже подъезжаем к Бранденбургским воротам, где граница наших, а он вдруг свернул куда-то в переулок и едет дальше. Что там туда...Что, куда он свернул? А он махнул рукой, этот негритос, и заехал в какой-то двор. Помню двор и там железные бочки, видно под бензин, и вылезли. Они вышли там, а мы тут стоим, ждем. Он нам объяснил, что он нас потом отвезет. Ну ладно, стоим мы, ждем. Потом он нас зовет, мы заходим в помещение, там такой зал небольшой, четыре стола, четыре стула за каждым столом, скатертью накрыто, дальше там хлеб, белый хлеб - куски лежат и такая посудина с маслом сливочным. Оказывается они там столовая, вот этой самой какой-то части, там, наверное, механической что ли, это военные. Приглашают нас за стол, и принесли нам на тарелочке, такие там тарелочки, там, значит, пюре и кусочки мяса. Ну, этот Цыпленок говорит: «Ну и порция!» - говорит-«это только, говорит, это только котенку какому-нибудь такую порцию». То ли они услышали, то ли они поняли это дело, кто-то засмеялся, там кто-то

сидел, проходит некоторое время, нам вот такое блюдо приносят каждому: наложено пюре целое, и вот столько вот мяса. Я говорю: «Цыпленок, мы с этим не справимся». Он говорит: «Надо справиться, надо им показать, как надо кушать по-русски». (Смеется) И мы это блюдо умахнули, и он и я. Потом начали они к нам приставать, ко мне один подошел - звездочку просит с пилотки у меня, а сам предлагает значок какой-то. А у них интересная, во-первых у американской армии как, например, у них форма одна, что солдат - одна и та же. У них там разницы никакой нет: это брюки, очень хорошее темно, такое, коричневое сукно, брюки все на выпуск - они сапог не носят. Ботинки такие большие, дальше такая куртка с отглаженным воротником, рубашка такого же цвета одного и галстук такой же, и солдаты все в такой форме. Только все отличие от офицеров - это на погонах, единственное. Это меня удивило, то, что у нас офицерских совершенно другое одеяние.

00:57:42

А какие события перед арестом были?

Это я вам сейчас. Сейчас к этому подойдем. И вот, значит, поели мы, сели в машину, он нас привез, прямо показали к воинской части нашей и подвез. Это вот первое впечатление. По улицам, когда мы ходили, то всегда обращали внимание, что французы сразу выделялись, потому что у французов тоже форма была. Они все галстуки, береты носили, а офицеры носили такие фуражки с длинным козырьком, и в зависимости от чина, шитье - у большого чина у него все прямо пошито золотом там - это у французов такое. Француз, если мимо Вас прошел, то еще будете идти сколько-то, все будете запах парфюмерии - духами от него несет, у французов (смеется). Ну, с ними тоже, они здоровались всегда, но самые всегда натянутые отношения были почему-то с англичанами, англичанин никогда ни приветствует, никогда не отвечал на приветствие и не здоровается. Они тоже носили береты и такие же формы. А вот это: Новая Зеландия, Австралия, Канада - все носили такую же английскую форму, только здесь была «Канада» и значок какой-то тут. И мы там в Берлине пробыли только до сентября месяца, а в сентябре месяце, та воинская часть, которая была на Западе, ну, которая эта была вторая, по моему. Второй Белорусский фронт. Я там во фронте...Первый Белорусский фронт. А то Второй Белорусский фронт. Он встретился на Эльбе с американцами. Знаете, такой фильм даже был такой. Они там располагались, и вот Второй Белорусский фронт, те армию оттуда сняли, в эшелоны посадили и отправили на Дальний Восток, потому что там наши приняли участие в войне с Японией. А мы заняли их место, так что мы переехали туда. С Берлина нашу часть перевели на Эльбу - это в 70 километров от Гамбурга. И вот мы на Эльбе, там наша часть и стояла, там я и служил весь, до конца 45 и весь, полностью 46 год, и даже начало 47. По ту сторону стояли американцы, а поэтому нас устроили порядок такой как пограничный: днем в засаде, в закрытом месте наблюдаешь за границей, и в журнал записываешь, что ты видишь: прошла корова, такое-то время; человек прошел - записываешь такое. А вечером наступала темнота, берет командир отделения, которому там два-три километра давали, и он с двумя солдатами ходит, ночью ходит вдоль границы. А потом американцы, они никакой границы нет, они там в поселке большом стояли и все. Не охраняли они границу. Но, помню, они к нам приехали сюда, группа 6 человек, оказывается тут у них, во время боев, погибло трое или четверо солдат, и они были здесь захоронены. Они приехали оттуда и выкопали их, и в этих цинковых гробах отправили на Родину. Между прочим, американцы нигде никаких могил не оставили. Они все своих погибших людей отправляли на Родину. Всех. Вот и во Вьетнаме они воевали, в Южной Корее - всех оттуда, точный учет вели и до сих пор они в Вьетнаме там где-то у них погибло еще сколько, они вьетнамцам говорят, где-то там у вас есть наши люди еще, называют фамилии, все - вели учет полный. А у нас учета никакого не было, поэтому у нас, кто говорит 20 погибло, кто говорит 40 миллионов, кто говорит 50 (смеется).

01:02:22

А вот эта фотография, где Вы с галстуком, она, когда была сделана, в каком году?

В день моего ареста 9 мая...Марта 1949 года в Москве. Это я сейчас к этому подойду. Это я студент был, это МИИТа. Одедся я почему, потому что в этот день вечером я с одной студенткой, у нас были абонементы...абонементы в Московскую консерваторию, должна была там быть лекция по Бетховену. Поэтому я одедся, потому что мы ж в консерваторию пойдем. Я был в таком вот одеянии, парадном так сказать. Вот. И вот мы там стояли, долго я все ждал-ждал, когда ж наконец нас отпустят, потом стали отпускать до 18 года отпустили в 46 году, и потом, наконец, вышел указ: с 1 января 47 года отпускать 23 и 24 год рождения. Ну, я наконец дождался. И вот нас таких выбрали всех, опять в этот товарный вагон такой же погрузили, сухой паек нам с собой дали. Питались мы там очень хорошо, за счет немцев. У немцев с питанием все было прекрасно, как проиграна война, представляете немцев, а они прекрасно - в магазинах у них все есть. Черт его знает, как так можно. Вот, и нас везли, значит, через Польшу и привезли нас в Белоруссию, в город Слуцк такой, там есть. И там нас, этот нас...Человек 20, наверное, да, с этого полку, поместили, там был расположен, расположен был артиллерийский полк 127-мм орудий, полк, и нас туда принесли. Но нас ничего не заставляли,

стали ждать, что оформят нас, вот-вот отпустят. Я там, кстати, встретил в феврале месяце, да, феврале месяце, там были выборы в Верховный Совет Белоруссии, и меня пригласили туда в этот, парткомитет. Там был. Значит, парткомитет состоял: заместитель начальника... значит, командира полка по политчасти- это главный подполковник, агитатор полка- капитан, секретарь парторганизации полка- капитан и комсорг полка -младший лейтенант. Вот и х было. И меня туда, оформлять выборы, там это все, так что я попал в выборную комиссию в эту самую. Вот, с тех пор, когда я там увидел, что такое наши выборы, я уже, когда приехал сюда, в выборы не ходил, никогда не участвовал (смеется). Я просто был поражен, тому, что там было. Во-первых, при мне там пришло...Пришел, значит, пакет. Какой пакет? Ну, военный обычно, как бывает, с сургучной печатью такие, замполиту этому пришло. Он распечатал, там приказ идет из армии, из командования армии: Вам следует выдвинуть в качестве депутата Верховного Совета Белоруссии врача Слуцкой больницы и там указана ее фамилия. Вот, что. Ну, ладно. Выдвинули, собрание провели, в городе все утвердили, все, прошли выборы - эта воинская часть, которая тут расположена, все эти урны принесли сюда этот кабинет, и я тут. Высыпали все на стол, стали подсчитывать: там, что там только не было нарисовано, там, вычеркнута она, написано «голосую за Жукова маршала», да глупости всякие там писали, или просто вычеркнута. И вот когда подсчитали, составили этот подсчет, на бумажке подсчет, вот приходит этот подполковник наш и говорит: «Ну, как там дела? Кто там у нас?». Он говорит: «Так, так, так». «Ух, ты, почему ж так мало? А посещаемость? А там должны были приходиться на этот же участок и граждане рядовые, жители. Мало, очень мало, да. Плохие результаты. Ну ладно, записывай: посещаемость 99,9%, голосование за - 99,7 процента. Так и напиши в отчете, так и пошлем туда в армию». И вот я понял, что такое наши выборы (смеется). Приехал я в Москву.

01:08:00

В каком году?

Ну, в 47, да.

01:08:01

В 47-м.

Приехал, да. В марте месяце, привезли наш вагон прямо в этот... На Ленинградский вокзал, да. Сейчас там этот зал, там где Ленин стоит, да? Ожидают. Туда, туда, прямо туда дорога была, там тупиковая. Прямо туда завез нас, выгрузили нам, и только там, этот сопровождал там лейтенант нас, он нам выдал военные билеты и все. Я вышел на площадь, вспомнил, я ж когда был в Москве? В 38-м... В тридцать... В 40-м только был, а это 47-й - семь лет не был. Ну, я помню, там на Маломосковской - это по Проспекту Мира, там где этот Госпечати этот дом, перед... Одна остановка до выставки, там я жил на Маломосковской улице. Туда 37 трамвай ходил, я сразу подошел на трамвай, приехал домой. Поднимаюсь, меня там встречают, все это, я сразу с собой, как снял военную форму, и больше ее никогда не надевал (смеется). Ну, и что делать? У меня 9 классов образования, как мне быть, куда мне идти. И засел я за учебники, а потом около Рижского вокзала там недалеко школа, 10-тилетка есть, старинное здание. Я туда пришел, я говорю: «Можно я у вас экзамены сдам за 10 класс?» - «А почему?» - «Да, я говорю в армии, только пришел, что ж мне, куда ж мне идти» - «Ну ладно, приходите». Я вот там сдал экзамены за 10 класс, получил одну тройку, по алгебре только, а по остальным у меня в основном были четверки и пятерки. И пошел я в этот МИИТ- Московский институт инженеров транспорта, это на улице Образцова. Это старинный, еще дореволюционный институт, вот туда. И там в августе сдал опять-таки прекрасно, хотя меня мог принимать вне учета, демобилизованных из армии принимали без конкурса, вне конкурса. А я и так набрал из 30 - 27 очков, набрал, так что я поступил в институт, стал учиться. Все нормально шло у меня там, как полагается. Помню лето подошло, нам как железнодорожным студентам бесплатный билет железнодорожный предполагался. Выдали мне, думаю: «Куда ж мне съездить?». А один мой приятель в Тбилиси уже жил, тоже в армии отслужил и там уже работал, я поехал в Тбилиси к нему в гости, побывал там, бесплатно съездил туда (смеется). Вот. Ходил я в театры тогда, недели такой не было, чтобы я в театры ходил: Малый театр, Художественный и Большой с филиалом. Вот это были мои любимые театры, тогда еще все эти знаменитого Барсова, Обухова, Козловский, Лемешев - все эти пели, я их...Знал их хорошо. Вот. И вот так продолжалось, и вот в 49 году, в этот, 9 марта, я, значит, после учебы, а с утра уже оделся вот так вот, как полагается, потому что у нас абонемент: у меня и у нее был абонемент в этот самый, большой зал в консерваторию - мы там на лекции ходили. Вот сначала по каждому композитору были лекции, нам объясняли, как надо понимать музыку, проигрывали отдельные истории и потом целиком произведение, потом все объясняли. Вот такие интересные лекции были, поэтому я уже... Приучили меня в это время к классической музыке. Вот. И я, как мы пошли туда... А. Мы с ней встретились и пошли в консерваторию. Ну, лекция прошла очень быстро, ну, билеты у нас были там на галерку - самые дешевые. Потом я вышел оттуда, проводил ее, а она жила на Миусской площади - там барак учителей, у нее мама была

учительница, она там комнату занимали. Она с мамой жила. Проводил ее, вышел с Миусской площади, в переулочек стал выходить на Лесную улицу - это около Белорусского вокзала, там есть... Там на углу стоит этот самый клуб, забыл как он называется, это клуб, забыл уже. Но не важно. Я туда стал выходить, только стал подходить к Лесной, вдруг останавливается машина легковая, выходит оттуда человек, правда он был в сапогах, ну, в пальто, кепке: «Вы Беликов?» - Я говорю: «Я Беликов, да» - «Пойдемте, пожалуйста, с нами, надо тут кое-что выяснить». А я говорю: «Так уже времени много». А уже было одиннадцать часов вечера. А он говорит: «Не беспокойтесь, мы вас отвезем домой». Ну, я ничего не думал. Смотрю, он открывает заднюю дверь - там один сидит, он, я тут сел, и тут еще один сел с этой стороны. А он сел там рядом с шофером. Так что их значит, сколько, с шофером четверо, за мной одного, приехали меня забирать. Зачем меня забирать? Позвонили бы, сказали, сам бы туда пришел. Везут меня, только подъехали, везут: «У вас паспорт с собой?» Я говорю: «Нет у меня паспорта». - «А как же вы без паспорта ходите?» Я говорю: «У меня студенческий билет есть, я с ним и хожу». Они у меня посмотрели студенческий билет, оставил себе. Останавливается на Кузнецком мосту, там сейчас со стороны этой площади, и вот угол вот этот вот, где этот гастроном, тут был двухэтажный дом - это было бюро пропусков КГБ. Вот он тут остановился и пошел туда, оттуда выходит и уже в моем студенческом билете лист вложен - пропуск, чтобы войти туда в КГБ. Вот он там, выехал туда, прямо на тротуар, заехал к самому подъезду, остановился и мы вышли. Заходим в подъезд, не в главный вход, а с подъезда там бокового, зашли, подходим к лифту, там женщина в сером халате пожилая дежурит. Заходим в лифт, он говорит: «7 этаж» - нажимает кнопку. Едем. И, вот, обратил внимание, эта женщина на меня такими глазами посмотрела, у меня что-то такое оборвалось. Почему, я даже не могу это. Мысли еще никакой не было об аресте, что-нибудь, но что-то такое. Такой взгляд у нее был, у этой женщины. Поднялись на 7 этаж, оказывается на 7 этаже находился главное управление КГБ на транспорте, я как по транспорту проходил как от института. Заходим в кабинет: подполковник один, еще один подполковник, кабинет большой. «А, Виталий Анатольевич, заходите пожалуйста». Жмут мне руку - я в недоумении. Сел я, сижу. «Ну, вот мы вас пригласили...» - пригласили, привезли, а не пригласили (смеется) - «Чтобы Вы с нами, откровенно с нами объяснились: что Вас смущает, что Вам нравится, что Вам не нравится, о чем ваши студенты там разговаривают?» Я потом уже понял, что если бы я клянул на это дело, и сказал б, например: «Наши студенты критикуют советскую власть». - меня бы точно выпустили, но завербовали бы стукачом бы. Вот у меня мысль такая была. А я ему стал говорить: «А как, о чем мы говорим? О студенческих делах, о чем мы можем говорить? Как скорее сессию сдать, да как чертежи сдать там - начерталку, потом, как на практике там с нивелирами этими и теодалитами поработать». - «Ну, вы видите, Вы с нами не откровенны». А время-то идет, смотрю, он звонит по телефону, приходит какая-то женщина, приносит нам чай и бутерброды с колбасой. И мне тоже. Угостили. Но потом еще беседовали, все мне они вот на эту тему «расскажите откровенно, а расскажите откровенно». Ну, потом уже наверное в час или два: «Ну, ложитесь тут, отдохните». Ну, я расположился на диване - они ушли. Я уснул, потом меня кто-то будит, посмотрел на часы - было 6 часов утра, лейтенант стоит какой-то. Говорит: «Вот ордер на Ваш арест, так что собирайтесь». Я собрался, что мне собираться? Я как был одет, так в этом одеянии, спустились мы вниз, в самый - самый подвал туда. Заходим в какую-то комнату, комната большая, кстати, эту комнату я видел однажды по фильму: одного показывали, тоже какой-то фильм был, завели одного работника. «Раздевайтесь догола». Разделся я догола, а этот стол большой стоит, жестью обит: все это барахло мое, и ботинки - все поставили сюда на стол. Вот стали делать обыск. Что ж они делают? У пиджака оторвали подкладку, снизу тоже щупают, что-то такое. Потом, где швы, все это вот так вот перетирают. Потом смотрю, у ботинка моего там подошву оторвали со стороны каблука, оторвали подошву. Для чего? Я никак не помню. Часы у меня, значит, забрали, крестик мой золотой был - крещен я был от мамы еще - тоже забрали, ну и потом в боксик какой-то меня поместили. Опять это все на себя одел. Потом все пуговицы, а на мне были, значит, кальсоны и рубашка. У кальсон были такие пуговицы, немножко побольше этих, обшитые материей, они металлические, из какого-то мягкого металла - а сверху материей обшито, все равно их оторвали. И с этих с брюк тоже оторвали, брюк, я брюки должен так держать, потому что они спадают. Вот такой обыск мне сделали. Ну и потом, значит, в камеру - не в камеру, а в такой кабинет. Вот так вот сидишь, вот так вот, все вплотную. Светит ярко свет, я там часа три пробыл, сидел - жарко стало, не продохнешь. Потом вывели, повели меня уже. Куда ж меня, подожди-ка. А, сейчас. Меня сразу вывели во двор. Во двор. Стоят машины - фургоны, и, как сейчас помню, написано «Хлеб», открывают дверь, заднюю дверь - тут ступеньки - и меня в эту машину, в «Хлеб», который написан. Это так перевозили по городу заключенных. Потом «Мясо» было, я потом видел у магазина, «Мясо» написано. А там сделано так, значит, вот фургон да. Такой проход не большой, с этой стороны три кабины закрытые с глазком, тут три кабины с глазком и там одна кабина прямо, где к шоферу была, а тут пространство свободное - проход. Вот в одну из кабин меня поместили, закрыли, а потом слышу, еще кого-то провели, еще кого-то провели. Мы никого не видим, друг друга. Только помню, что-то стучало кублуком, кублаки, да?

01:21:40

Каблуки.

Каблуки, да, стучали. Думаю, наверное, женщину какую-то повели, наверное. И также там выводили, а привели в эту, Лефортовскую тюрьму, это ж Лефортовская тюрьма- это КГБ тюрьма. Привели меня туда, и там, а там тюрьма интересная- буквой «К», до революции построена. Вот так корпуса идут, и от него вот так идут корпусы. Все свободное до верха, металлические ступеньки и проходы вдоль стен и тут камеры, камеры, камеры. Дежурный тут стоит с красным и белым флагом - регулирует движение. Если ведут кого-то, он покажет белый, значит, это можешь вести, если в это время там еще кого-то ведут, чтобы ты никого не видел, можешь там годами просидеть, но никого, кроме своей камеры ты не увидишь никогда. На прогулку также водят: два сидит человека, значит два поведут, один - одного поведут.

01:22:49

А Вы один в камере?

Нет, мне привели, в этот, в камеру на последнем этаже, 196 камера, там был, значит, Гуревич - этого одного я запомнил, фамилия. Он был почему-то в военной форме, уже пожилой такой, седой дядька. Он был, а другой был в железнодорожной форме, потому что у него лампы зеленые были. И потом, я с ним разговорился, он работал в министерстве Путей сообщения на Садовой, там, Вы знаете у метро этого - напротив метро. Он там работал и его интересное дело: он жил в коммунальной квартире, квартира, видно, какая-то большая- 5 комнат там было, и 5 семей. Он, жена, у него маленькая дочка 2 годика, и там они что-то, у каждого же кухня одна, там у каждого ж столик, и вот, тогда еще газа в Москве не было в те годы, только в 48 начали только проводить газ в Москве. Вот, керосинки же вообще, в основном, и вот там жена готовила завтрак мужу утром на работу. И на керосинке ставила чайник или что-там, и вот она случайно было, что газета была с портретом Сталина, черт его знает, лежала на столе. Она поставила чайник, потом погасила это, взяла все и пошла, а на портрете осталось пятно сажи этой самой...Сталина. А видно с соседями там отношения были нехороши - эта взяла и отнесла куда-то, вот его и схапали. (Смеется). 10 лет он получил, никакого отношения не имея к этому. Вот так я попал в Лефортово, там начались мои следствия, там проходило мое. Возили меня часто туда на Лубянку, часто на допрос привозили. И опять таки всегда эти машины либо «мясо», либо «хлеб». И потом много людей очень встречал я там в самой Лубянке, встретил там одного студента своего института. Их тройку посадили, они в общежитии жили, там что-то какие-то анекдоты про Сталина рассказывали, их троих всех и сгребли. Мне вот попался этот Ковалев, а я потом в лагере встретил из этой тройки Лебедев был- тоже по 10-ке получили.

01:25:56

А у вас допросы потом еще были?

Ну, а как же ж. Неразборчиво. В марте посадили, а я получил, этот самый, приговор получил только в начале ноября. Правда, летом был перерыв - мой следователь в отпуске был. Потом хвалился мне, где он отдыхал, как он отдыхал. Старший лейтенант, интересный, моего возраста, тоже 24. Вот он приходит, меня, на допрос пришел, приехал, в железнодорожной форме, и отличник железнодорожный еще значок и у него тут висит. Думаю, может когда-то служил там. Или они так неразборчиво. В другой раз приезжаю, он в летной форме. Летчика форма у него, лейтенанта, уже погоны. Я у него спрашиваю: «У Вас как форма?» А он говорит: «У меня таких форм, целый гардероб. Я могу любую форму одевать». Можете себе представить, вот встречаешь такого человека на улице, да, и подумаешь, что это порядочный какой-то человек, а этот оттуда (смеется). Вот он, у меня физических никаких ко мне принуждений не было, т.е меня не били, не пытали, ничего, все шло, но грубо все. Порядок такой: кабинет немножко побольше этого, он тут за письменным столом сидит, а там меня человек- лейтенант, какой-нибудь этот вертухай приводит, и там столик и тумбочка. Тумбочка, вернее такая, и стул, я там сажусь, а он тут. Я помню, прихожу, как на каждое прихожу следствие, а он: «Ну, поговорим, как там у тебя в камере, не обижают тебя?» Вот такие вот вопросы такие. Я говорю: «Я ничего не буду говорить, я хочу закурить». Вот он достает свою там сигарету, тогда Беломор всё курили больше. Вот он достает мне пару сигарет, пару или тройку там папирос. Я хотел встать - «СИДЕТЬ!» Я хотел подойти к нему - нельзя. Он либо подошел ко мне, либо иногда даже так швыряет мне эти самые, чтобы я к нему не подошел. Бойтся что ли? Я не знаю. (Смеется). Вот я закурю, потом веду с ним разговоры. Вот он эту политику, такую выбрал: вот он со мной беседует на разные темы, да, подчас отвлеченные, о футболе начинает говорить: «Вот, ты за кого болеешь? Я болею за Динамо». Я говорю: «Динамо это ж КГБ-шная команда, конечно». А потом проходит час-полтора, я сижу молча, а он пишет - он составляет протокол. Полагается-то как протокол: вопрос и я должен ответ, а он пишет вопрос, вопрос-ответ- составляет протокол. А потом мне подносит подписывать. Я читаю и я говорю: «Я такого не говорил, тут же написано: « Протокол составлен с моих слов и я подписываю». -«Ааа, так ты еще не хочешь подписывать, милый мой? Хорошо».

01:29:41

А что он там писал?

Он же сам писал!

01:29:43

Он сам, я поняла, да. Он что там писал?

Ну..

01:29:48

Ну, что он там сочинял?

Что я вел там разговоры, что правительство мне не нравится, что-то такое, что Сталин не правильно что-то такое делает. Я говорю: «Таких разговоров у нас вообще никогда не велось на эту тему». Вот он там что-то такое записывал, писал, писал, потом вызывает этого, который дежурный, который меня привел, отдает ему бумажку, тот меня ведет меня не во двор, а ведет меня в карцер. Выписал мне карцера 5 суток. Карцер – страшное дело было. Во-первых, там холодно, жестью оббито сидение вот это вот, лежанка вернее, вот эта вот. Она закрывается, защелкивается к стенке, но она оббита жестью. Лампочка сверху синенькая такая горит и еще прикрыта металлической сеткой. Я туда и так не доберусь, он боится, что я там залезу туда что ли (смеется). И вот, сидишь, сидишь, на этом самом стульчик такой, тоже оббитый жестью, сидишь. Лечь некуда, холодно. Там, значит, утром приносят кружку воды и грамм 150, наверное, кусочек хлеба. И вечером приносят кружку воды и грамм 150 хлеба. Это все питание. На третий день, только днем принесли горячую баланду - на третий день. Так что я только один день там попробовал горячее, а то вот те дни только на хлебе сидел. Через 5 суток меня оттуда увезли, и отправили в камеру. «Где ж ты был там?» - меня спрашивают (смеется). Я говорю: «Где был, в карцере сидел! Где я мог еще быть». Вот. Вот так проходили мои дела, скучные дела. Со мной в камере, последнее время сидел вот этот студент Ковалев с нашего института, и сидел молодой парнишка. Кстати, у этого Ковалева следователь мой был, тоже вел же это дело, оказывается. Баринов этот Анатолий Федорович - я запомнил его. Анатолий Федорович Баринов. Вот. А этого мальчика, этот из Одессы был, 17 лет парню, он только закончил, значит, 7-ми летку, что ли и пошел в мореходку учиться. Закончил мореходное училище, и стал, этим самым, матросом торгового флота. И вот в Ленинградском, этом, порту, он служил в торговом флоте морячком. И вот однажды, он, говорит, рассказывал: «Мы все время ездили один и тот же рейсы в Голландию в Голландию, там что-то выгружали, выгружали. И он там, значит: «Я был дежурным, стоял перед... накануне отплытия. И вот один из помощников капитана» - там фамилию он мне называл, я уже не помню его - «его что-то такое не было некоторое время, потом он пришел и перед самым отплытием он зашел, ну, прошел. Я ж не буду его обыскивать или спрашивать пропуск, он же капитан, мой начальник. Прошел и все. Ну, и мы... подошло время, мы отплыли все нормально. Только отплыли немножко от берега, нас догоняет катер, останавливается, с этого катера выходят трое на борт, спрашивают такой-то здесь - здесь». И вот этого помощника капитана забрали и увезли. Оказывается, он не должен был на пароходе туда плыть, он был в отпуске, а его надо было арестовать. А пришли его арестовывать, а ему сказали, что он поплыл. Вот они его арестовали, и после прибытия обратно, они в Голландию съездили, прибыли обратно. Он только прибыл в Голландию, его приехали, забрали и привезли в Москву. - «Значит, ты пособник, ты его пропустил на этот корабль». Представляете? Я вот не знаю, сколько ему дали, этому Вите. Витя его звали, Виктор. Но к нему очень хорошо относился этот майор, он ему выписал дополнительное питание, там разрешал ему всякое такое. Никогда ночных не было, а у меня были ночные: специально на ночь вызывает и ночью допрашивает, а днем спать не дают, ведь там ни в коем случае нельзя спать. Ведь там режим такой строгий. Час прогулки каждый, при том прогулку могут предложить в любое время. От прогулки можно отказаться, но прогулки могут среди ночи: ты спишь - тебя будят на прогулку и выводят на прогулку. В Лефортовской тюрьме, значит, во двор, такие деревянные заграждения - общая, тут вышка по середине, а тут на такие треугольник разбито. Все оббито деревом, оббито кругом. Вот, запускают и вы ходите там. Я помню раз, летом было, зашли и, вот среди досок половых в щель трава пробилась листья, какое-то травяное растение. Я говорю: «Надо обязательно сорвать», а этот Виктор говорит: «Зачем тебе?» - «Поставим в воду, у нас будет вода стоять». А нельзя там, там надо руку раз, вот так за спину руку и ходить по кругу. Вот мы выбрали момент, он там отвернулся в другую сторону, я подошел и сорвал этот цветок. И мы принесли домой, и я себе поставил в этот, в кружку, стояла она в воде. Вот так. Потом, как же было. Меня, значит, вызывают: «Соберитесь на допрос». Да, там парикмахер каждый... через день там приходил, брил бритвами этой самой, такой, знаете, безопасной бритвой брил, вот и подстригал, если надо. Там наголо не стригли. Каждые 10 дней баня была, под душем стояли, все это под наблюдением этих самых вертухаев. Вот. Ну там много можно интересных рассказать подробностей тюремных порядков, ну, это неинтересно. Там интересно, я одно время с Карповым, мужичком таким сидел, интересный человек.

01:37:54

Сколько по времени Вы находились, сколько допросы и сколько следствие велось?

Вот, с марта месяца по ноябрь. Месяц был перерыв, потому что он ездил в санаторий.

01:38:07

А Вы этот месяц, как проводили?

Сидел в камере и больше ничего. Никто меня не беспокоил. Я и думал, что такое, где, что ж случилось-то.

01:38:16

Но для себя Вы как объясняли, почему Вас задержали и что происходит?

Что происходит? Видите, слух, слухи уже ходили, что много очень за анекдоты сажали. Вот такие разговоры были. Думаю, наверное, что-то такое и у меня там есть. Наверное. Я потом узнал, что поводом было. Я узнал, повод, какой был повод уже потом. Когда знакомился со своим делом и, вот незадолго до моего окончания дела, мне устроили свидание. Привели студента из моего класса, еврейчик такой был. Как же его фамилия, забыл фамилию его уже. Черт её знает. Мы и занимались вместе, потому что все ж жили в коммунальных квартирах, тогда ж в Москве был страшный квартирный вопрос, страшный. Занимались... Негде было заниматься. Поэтому мы приходили обычно в институт и просили у диспетчера дать нам какую-нибудь аудиторию, класс какой-нибудь небольшой. Нас человек пять, четыре, тройка приходила. Мы приходили и там занимались, готовились к экзаменам: чертежи там делали. А так, ну где? Негде было заниматься. В общежитии там тоже. В общежитии при МИИТе было такое: шесть человек в комнате, шесть человек. Тумбочка и больше ничего нет и стол посередине. Вот как там шесть человек могут чертежами заниматься? У нас, в этом смысле, в то время очень тяжело было. Так вот попал в камеру к нам однажды, был, сидел я в камере с этим, с Карповым - это старик. Старик-старик, ему больше 60 лет было, он ходил очень плохо уже. Малограмотный совершенно, самоучка. Он изобрел одну штуку интересную: аппарат такой, который определял пустоты и трещины на металле. Вот понимаете, вот как, к тому времени, до него, ведь помните по железной дороге едешь како-нибудь домик: тут живет путеобходчик, ему даны 4 километра путей обычно, давали. Он ходит каждый день туда-обратно, проверяет, молоточком стучит, проверяет, не лопнул ли где-то рельса, или что-нибудь там, костыль может быть вылез - надо прибить костыль, чтобы держал рельс, к шпале хорошо. А он придумал такой аппарат, что едет и он показывает. Только там же рельсы на стыках бывают, неразборчиво он когда к стыку подъезжает, он звонок дает- дефектоскоп называется. Вот этот дефектоскоп он изобрел, а в то время министром путей сообщения был Лазарь Моисеевич Каганович, и он заинтересовался этим делом, и взял покровительство над этим. Он дал ему в помощники академиком двух, вот. И они, значит, все это дело оформили, уже стали на тележках неразборчиво. И уже путеобходчик едет на тележке, только смотрит - раз звонок: ага, точно, значит в этом месте. И все было там у него нормально, да пускай. И вот в этом, в 40 каком-то году... да, его арестовали в этом же году этого Карпова-то. А дело в том, что Карпова вдруг однажды вызвал Тухачевский, в 38-м году. Он же был заместителем министра обороны, и он как раз занимался и оборонной промышленностью, там и так далее. И он его вызвал, Тухачевский. И он был у него в Министерстве обороны в кабинете на свидании. Тухачевский его спросил можно ли вот этот вот прибор приспособить на военном заводе, где изготавливают стволы пушек. Проверять, а вдруг там, где-нибудь какой-нибудь есть пустота какая-нибудь попала. Он говорит: «Конечно может, вдоль ствола проводить этот прибор, и он будет». Вот всего такой разговор прошел, но он там фиксировался. И вот, уже в 49-м году, нашли. Ага. Тухачевского-то расстреляли же в 38 году, как врага народа, шпиона там. И нашли, ага, Карпов-то, оказывается, был у него на свидании - это что-то подозрительное. И Карпова посадили.

01:44:02

А расскажите про это свидание. Вы сказали, что у вас было какое-то свидание со студентом.

А, а со студентом, сейчас расскажу. Вот Карпова посадили за это дело. Он не раскрывает, нет, ты мне расскажи, он тебя это там вербовал или что. В общем, не знаю, его, что. Потому что этого Карпова как-то повели на допрос, а с допроса привезли его уже под руки- он еле ходил. Тем более там по ступенькам. Он зашел сам не свой, сел и прямо вот так вот. И прошло некоторое время, совсем ему стало плохо, я постучал, и они его подхватили под руки и повезли куда-то. В медсанбат там наверное или в санчасть. Не знаю, выжил ли он или нет, не знаю о его судьбе ничего. А однажды, мне устроили: прихожу.. Вейсман, вот вспомнил фамилию его, Вейсман был студент у нас такой. Я потом выяснил, он сказал, что когда мы входили вот этой группой студентов занимались в аудиториях отдельных. Там шел разговор, и ты рассказывал...я...рассказывал о том, как в Германии живут немцы, и вот этого неразборчиво

Вейсмана привели. И, значит, это он меня, спрашивают у немца. Он сидит, голову опустил, он ни разу даже голову не поднял, на меня не посмотрел. Сидит вот так вот. Он, оказывается, был стукачем, завербованный. Был стукач. И они спрашивают: «Ну, вот, Вы вели разговоры?» Он: «Да, разговоры о Германии шли. Он рассказывал, о том, как он служил в Германии там». – «А о чем он говорил? Что немцы лучше живут, чем мы живем?» - Он молчит. Он меня. А я говорю: «Я таких вещей не мог говорить, я говорил только то, что я видел, то я и говорил. А там хвалить или свое мнение я не высказывал. Просто с людьми делился тем, что я видел. Как я служил, как я там на Эльбе ходил. В семьи заходил, видел, как немцы живут. Там правда этих квартир коммунальных я там не видел». Когда разговор заводили о коммунальной квартире, а немцы спрашивали, а что это такое. У нас, говорит, студент когда живет в общежитии при институте, он имеет комнату отдельную, чтобы он мог заниматься, все. А как может семья в одной комнате жить. У нас даже дети, если мальчик и девочка, то их разделяют в разные комнаты с малых лет - у каждого своя комната. Я говорю: «Это я говорил, что так я видел, то, что я видел, а что хорошо это или плохо, это, я, говорю, оценок никаких не давал. Пускай он скажет, что я оценки давал или не давал оценок?» А тот молчит-молчит, и потом: «Нет, ну, он оценки не давал, он только рассказывал, рассказывал» (смеется). Вот это было, так сказать, мотивом моего... моей посадки. И вот, наступил такой день, когда меня, значит, на допрос. То не вызывали, не звали, то, говорит, на допрос. Ну, повели, смотрю, ведут не туда, куда обычно, заводят в кабинет: сидит за письменным столом полковник КГБ. Я захожу, он не завел, и он предлагает кресло вот, неразборчиво, одно и второе у письменного стола. Не там, а кресло, я сел в кресло. А около него тут пачка бумажек, и тут пачка бумажек вот такого размера. Вот. Он берет одну пачку эту, смотри и читает мне: «Такого-то числа состоялась особое совещание КГБ, на котором Вам вынесен приговор: 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Вот, что я Вам объявил, и пожалуйста, распишитесь». А я говорю: «А суд где?» - «А это и есть, говорит, суд.» А мне следователь врал, что будет суд: «тебе дадут, этого, защитника». Я, значит, на обороте пишу «читал», и расписался. И меня уже повели, не, в камеру не повели, а повели на первом этаже побольше камера там была, шесть, по-моему, кроватей, там уже было людей, и меня шестого привели. Только меня туда запустили, а там уже сидят: «сколько дали тебе?» Я говорю: «10 лет». - «Ну, счастличик!» - Я говорю: «Ничего себе счастличик, почему ж счастличик?» - «А у нас тут смотри: этот 25, этот 15, а этот 20.» Я был поражен всему этому, такие срока давали тогда уже, потому что отменили этот смертный приговор уже, не выносили. Вот, ну а потом проходит некоторое время, мне оттуда мои вещи все принесли, что там были мои, из камеры. Сюда принесли. Потом прошло некоторое время, меня опять вызывают и в кабинет, я захожу. Мне, значит, выдают, что ж мне выдали? А, часы, которые отобрали. Крест не отдали не шиша, пропал крест. Вот, а часы мне отдали, потом, что там, галстук не отдали, потому что, чтобы я не повесился, галстук этот тогда отобрали, пуговицы все эти, которые отрезали, в мешочке мне отдали обратно, шнурки от ботинок, тоже они забрали все это, отдали мне. Потом, значит, мне говорят: «сейчас Вы поедете в лагерь». - Я говорю: «ну и что, хорошо». - «У Вас претензии какие-нибудь есть?» Я говорю: «да вот у меня был крест золотой, что-то такое, а не отдали». - «А тут он у Вас и не записан нигде. Его нет, нигде не записано». Ну и все, значит, кто-то в карман его положил. Вот. Выводят меня, опять в машину, в фургон, но там не было написано ничего. Фургон такой без надписи, но кабины там тоже были. Меня туда посадили одного и со мной лейтенант и с пакетом большим, помню, синего цвета. И подъезжает эта машина, знаете куда, на площадь к Курскому вокзалу, и мы с ним выходим, спускаемся в туннель, туда, где все пассажиры. И мы с пассажирами рядом идем. Думаю, куда ж он меня ведет, интересно. Я смотрю народу, сколько тут ходит, и я с ними рядом иду.

01:52:04

Вы без наручников, без всего?

Без ничего, без ничего рядом иду. Поднялись мы на последнюю туда платформу восьмую, вышли на платформу, потом пошли по платформе. Тут стоит Москва-Тбилиси поезд, народ тут прощается, мимо него прошли, спустились на рельсы. Прошли по рельсам немного - стоит этот столыпинский вагон. Подходим к столыпинскому вагону - сразу постучался: сержант какой-то выходит, он ему передает этот пакет большой. И тот спрашивает фамилию, я говорю фамилию, отчество. - «Статья, срок». Я говорю: «58-10, 10 лет». И он меня проводит в вагон. Этим вагоном повезли меня в Вятлаг.

01:53:04

Сколько ехали?

М?

01:53:07

Долго ехали?

С остановками ехали. Сначала остановились во Владимире, первая остановка. Нет, не во Владимире, в Нижнем Новгороде - вот, где остановка была первая. Там нас в грузовик открытый так сажали интересно. Вот так садишься на пол, ноги так по-турецки, знаете так садишься, и к себе следующего вплотную так вот набивают- набивают, что ты подняться уже не можешь. А на каждом углу садиться еще с автоматом человек.

01:53:48

Я не поняла, что набивают?

Человек следующий садится.

01:53:51

А человек следующий.

А к нему еще следующий - так, рядами, так что ты подниматься не можешь. Он же сидит, не дает подняться. Пока не поднимется тот, следующий, только так можно потом подняться, чтобы встать. Вот такая посадка была у них принята.

01:55:10

Сколько там человек было?

Я не помню, сколько нас человек... Человек семь так, и так, и так - человек двадцать, наверное. Вот нас...Я в Нижнем Новгороде никогда не был, а там провезли, так что я посмотрел тут и Оку, и этот самый, Волгу тут мы проехали через мост, и в эту тюрьму нас завезли. Там я целый месяц в тюрьме пробыл, большая-большая камера была. Интересные там лица были, сидели, американец один сидел там. Представляете, какой американец: молодой инженер, строитель. Или механик, наверное, он. Потому что он с группой инженеров из Америки в 31-м году приехал строить в Горький - Горьковский автозавод. Это ж американцы строили его, они привозили и станки, и все. Вот он там строил этот завод. Вот он рассказывал, как было, что их отдельно кормили, поили, вот так все. Они там отдельно находились. Вот. Я помню, что первые годы, вот, в начале, когда первые машины стали выпускать легковые- фордовские, вот этот значок, который сейчас тоже есть, форд- значок, заметили такой? На голубом фоне «форд» написано, так вот первые два года 31 и 32, по-моему, или 33, я уже не помню. Все машины, вот эти вот, фордовские легковые, брезентовый верх такой был, он откидывался, легковые машины так с «фордом» и выпускали. Только через два года этот форд, такой же сделали его значок, но «ГАЗ» сделали Горьковский автозавод. Неразборчиво. Этот, значит, инженер так работал, а потом, после окончания работы, он остался здесь и продолжал работать на этом заводе. И потом, женился здесь на русской, и вот, после войны, он решил найти своих родственников. Там же у него и сестра, и брат где-то есть. И вот он туда стал письма писать, и нашел сестру. Она ему ответ прислала: «А мы то думали, что ты-то живой остался». И вдруг его сажают. Ему начинают: ага, ты начал связи, там это самое. Ну 49 и 50 год- это были повторение 37 -38, потому что очень много сажали людей в этот период. Я помню, уже я в лагере находился, однажды целый вагон товарный к нашему лагпункту, я тогда на втором лагпункте был, подогнали к лагпункту студентов, целый вагон студентов из Ленинграда привезли. Целый вагон, человек 30, наверное. Так что это удивительно ничего не было. Вот, привезли меня, значит, потом из этого погрузили опять на вагон, такое же неразборчиво вагон, столыпинский вагон, привезли меня в Киров. А в Кирове, там тюрьма была такая: отдельные домики такие небольшие, огороженная территория и отдельные домики. Это домик один- это камера одна, там битком набито было. Нары там двухэтажные были, спать было негде. Я помню, под первыми нарами вот так вот, такое расстояние было, пролез туда, ну так, что мог только лежать, поворачиваться на бок не мог. Ночь там спал так вот. Воры там командовали, воры, конечно, занимали все места, на полках они спали, а те, кто по политической статье, по этим статьям, тех называли не воры, называли нас фашистами. Это фашисты. (смеется). Вот там, мы значит...

01:58:54

Конфликты были с ними?

Нет, нет. Они к нам хорошо относились. Ну, а мы тут причем? Фашисты... К ним более снисходительно, к воровскому народу, это обслуживающий персонал к ним лучше относился, чем к нам. Вот, например, вор, если такие воры были за мелкое кражество там- вор в карман залез- три года получил. И его даже брали в самообрану, то есть он жил вместе с этими охранниками, солдатами и охранял нас, водил, вот-вот, на вышке стоял. Можете себе представить?

01:59:39

А кормили чем Вас?

В лагере-то? Ну, первый период, вот, 49, 50 до смерти Сталина - это было очень тяжелое время, кормили очень плохо. Порядок был бы такой ведь, понимаете, в чем дело. В лагере я попал, с этого...С Кирова привезли нас на станцию Верхнекамская, такая - это на границе...Нет, это Кировская область. Там кончалась железная дорога путей и сообщений - это конечная станция, а там, оказывается, дальше шла дорога железная, Вятлаговская, лагерная. Она даже на карте нигде не обозначалась эта дорога. От Верхнекамской, по Кировской области, через Коми СССР до Воркуты шла дорога такая. Эта была дорога лагерная и по обе стороны - лагеря, лагеря, лагеря. Вот я попал. Первый лагерь это был бревной. Номер первый лагерь - это когда отправляли на свободу- сюда привозили, а второй лагпункт, был, куда сначала нас троих привезли - этот лагерь был, где срок максимальный был 10 лет, больше сроков там никого не было, на втором лагпункте. И инвалидный такой срок был, там работали, такой был цех один, где делали: шахматы, домино, шашки, потом шкатулки всевозможные, вот эту такую мелочь всевозможную. Шахматные доски, вот это вот делали, стулья там делали,- там инвалиды были, без ног туда ходили, водили их, в этот цех. Там вот такой цех, был очень такой, там было очень много таких заключенных с маленькими сроками, кто три, кто пять лет. Ну и этих, политических там тоже много было. Там я познакомился со знаменитым будущим поэтом, кто знает такого, Чичибабин Борис. Если слышали...Слышали такого?

02:02:21

Нам рассказывал...

У меня его книжки есть, я ж с ним переписывался до его смерти. Он Харьковчанин сам.

02:02:28

Нам Мазус рассказывал про него.

А?

02:02:30

Мы записывали интервью с Мазусом.

Изя Мазус?!

02:02:36

Да.

Так я сейчас тоже буду о нем рассказывать, тоже.

02:02:40

И он рассказывал как раз про Чичибабина.

Да? Вот ты Господи. Это ж наша тройка была. А про меня Мазус ничего не сказал? Не рассказывал про меня Мазус ничего?

02:02:52

Ну, рассказывал, наверное, но на тот момент я Вашу фамилию не знала.

Потому что меня привезли на второй лагпункт, и как раз Мазус там был на втором лагпункте. Он там как раз был. Нас завели в какую-то юрту, там что-то такое. Трое нас, вдруг забегают парень в валенках, в телогрейке: «Кто тут студенты из Москвы?» А я был, еще один был студентом там из Москвы. Говорит: «Братцы, я Мазус, я тоже из Москвы студент с авиационного института. Вот. Я здесь работаю нормировщиком. Вот. Надо как-то сделать так, чтобы Вас тут задержать, чтобы Вас не послали туда дальше в лагерь. Там лесоповал, очень тяжелая работа, и служба другая. И там положение другое. Я постараюсь Вас здесь задержать». Ну, ладно, пошел, действительно он пошел, там где-то там ходил, что-то такое, не знаю, и нас тут задержали: меня и этого, как его были, забыл я, студент этот был один. Память стала изменять, много фамилий выскочило из головы, но не важно. Он нас, третий, который с нами был, он еврей, солидный такой мужчина, не знаю, куда его определили потом: то ли его отправили куда - я больше не видел его. А нас с ним этих двоих определили в бригаду, строительно-ремонтная бригада. Снель был нарядчиком, у которого десятилетний срок был, он уже там давно сидит, вот. Видно с ним поговорил этот самый Изя Мазус, и он нас к себе в бригаду определил. И на следующий день мы уже были определены в эту бригаду. Эта бригада дает нам задание: пойти на пекарню - это за пределами- на пекарню, там у них лопнула печь, трещина в печи оказалась. Значит Вам надо там, что сделать : прийти на эту пекарню, войти во двор, там во дворе где-нибудь найдете пустое место. И в земле покопаться надо, ломики с

собой возьми, а это уже был декабрь месяц, уже 35 градусов мороза было. Покопаться, найти глину, и глину надо будет потом развести - это уже придет другой человек- специалист, и эти щели все в печи замажет. А вам только надо найти эту глину. Вот мы с Юркой, Юркой его звали...Неразборчиво фамилию...Ну, не важно. Мы стали долбить. Разве долбанешь эту землю, когда 35 градусов? Мы подолбали немножко, потом зашли погреться, а заведующий этой пекарней был немец. Келлер его фамилия, я запомнил, худенький такой мужчина. Он из немцев Поволжья, их же, когда война началась, их всех оттуда, с немцев Поволжья: некоторых посадили, а некоторых, некоторых просто выслали. В общем, кто по-разному, этот попал в лагерь, его почему-то в лагерь посадили. Он был там самый главный- пек хлеб. Он вышел с нами: «Сейчас, я Вам ребятки»- он вытащил из печки буханку хлеба, а там хлеб пекли такой. Вот, буханка хлеба такая, она весит 4 килограмма! Во-первых, он сырой неразборчиво, потом там всякие примеси, отруби там, все, что угодно может быть. Вот он нам такую буханку горячую дал, и мы ее умолости с этим Юркой этот хлеб, съели сразу тут съели его. И я там задержался, вот, стал в этой бригаде работать, а потом получилась такая вещь, что...В бухгалтерии там был такой «вещьстол»- счетовод был, там сидел, который вел учет, у него картотека была, карточки всех заключенных этого лагпункта, прибывающих, убывающих, он счет вел. Там все карточки учета вещьстола, его же обували, одували, все, что ему выдается, там, значит, записывалось. Идут в баню, там выдают белье, меняют - летом давали майки и трусы, значит, записывают : он сдал майку, получил- майку и трусы, он расписывается, счетовод. И вот там освобожденный заведом, был заключенный, который был заведующим складом, и этот заключенный освобожденный. И на его место поставили счетовода вот этого вещьстола, и мне предложили занять этот пост- стать счетоводом «вещьстола, ну я и согласился, конечно. Что ж мне делать-то. И я счетоводом вещьстола. И вот, я там, значит, 50 весь год проработал этим бухгалтером, ну, там пришлось мне в конце месяца и отчеты составлять, но зато я научился здорово на счетах считать, тогда ж еще не было ни арифмометров, ничего. Все это дело научился я здорово. Общение там интересное было, людей интересных много было. Вот. Изя работал. И вот там как раз этот Полушин, он был учетчиком при нарядчике. Интересный парень был, высокого роста, такой с палочкой ходил (смеется), не аккуратный такой. Я потом ближе его узнал, конечно, у него всего-то срок был 5 лет, у этого Бориса. Его в 46 году посадили, а в 51 освободили. Он Вам не рассказывал его вообще-то, о нем ничего?

02:09:33

Нет.

020936 P В лагере он проходил как Полушин, Борис Полушин, фамилия его была по отчиму, потому что мать вышла замуж за Полушина, а Полушин был в чине полковника, и в Харькове занимал пост начальника авиационного училища. И они каждый год приезжали туда к Полушину на свидание - мать и этот самый отец его приезжал. А начальник лагеря был младший лейтенант, он перед ним прямо во как ходил. Поэтому Полушин у них на особом счету был, отдельно с нарядчиком кабинка была, они там и жили отдельно. Полушин получал постоянно посылки богатые, присылали ему. Он как посылку получал, так всех друзей- мы к нему приходили, и посылку эту за вечер съедали начисто всю, без всяких. Ну, тогда он был совершенно других взглядов при мне. Я с ним часто спорил: он очень любил Маяковского, а я его терпеть не мог. (Смеется). Мы на эту тему спорили, а он прямо этого Маяковского наизусть читал запросто сколько всяких материалов. Вот такой Борька был Полушин. В 51 году, нет, 51, да, ил в 50-м? В общем, он освобожденный летом, а он там же тоже писал стихи. Тетрадку у него была такая. И мы с ним на эту тему общались, я то очень поэзию всякую любил, мне книги тоже из Москвы присылали. У меня там целая библиотека собралась большая, была. Он у меня брал книги читать, а он мне всегда: Витька, ты почитай, я новый стишок написал. Вот я читаю, а я ему давал, так сказать, свои, так сказать, впечатления, передавал. И вдруг он, перед самым освобождением. Да, тут интересная история еще, у него над койкой висел портрет девушки, кучерявой такой. Кто это такой- это Маша, это его девушка, с которой он там встречался. Она даже как-то один раз приезжала с родителями на свидание, и висел там у него портрет такой. А он перед самым освобождением, смотрю, у Борьки портрета нет. А он...Там была начальник-женщина, начальник спецотдела, это учета вела. Вот она оформляла приход, приезд этих заключенных, и отправка куда-то в дальний, или на свободу. Она оформляла это. И он с ней, конечно, общался, потому что они в общей. И вот они как-то снюхались, она взяла расчет и стала его ждать. Я говорю: «Борька, ты что с ума сошел? А как же Маша?!» - «Маша теперь мне не нужна». Господи, боже мой. И можете представить, он пришел как-то ко мне перед самым освобождением и говорит: «Ты мою тетрадку со стихами не брал?». Я говорю: «Ты что, как я мог брать твою тетрадку. Ты всегда приносишь, я при тебе прочитаю, и ты всегда уносишь». - «Ты знаешь, где-то тетрадка моя пропала, нет моеей тетрадки со стихами». И так он уехал, тетрадки не нашел. И потом, когда он уехал, прошел слух, что Борис...Что-то такое опять какие-то неприятности, то ли из-за этой тетрадки, то ли что-то... Какой-то такой слух прошел, но откуда мы чего могли знать, мы ж не знали ничего, как там проходит. Я ничего не знал. Но мне там очень здорово помог, на втором участке, там сидел КГБшник один. Майор КГБ Гордеев, такой, я его очень хорошо запомнил Он там заведующий складом одежды был,

его определили. Начальство, конечно, там с ним, перед ним, все, он там на особом. А он был осужден всего лишь на три года, а жена его была осуждена вместе с ним на 5 лет, а недалеко находился лагерь женский, он туда постоянно ездил, к жене на свидание. Он свободно ходил по пропуску, и все такое. И вот, а когда... А жил он, оказывается, на Маломосковской, там дом большой был, где я жил. Когда он узнал- так мы с тобой земляки, вот он мне говорит: Ты письма, когда домой будешь писать, ты не бросай их тут в ящик. Потому что они тут долго будут идти, пока проверят, а могут и не пропустить. А я говорит, когда там хожу, я прямо в поезд бросаю в ящик. И все мои письма стали идти оттуда без этого самого.

02:14:59

А кому писали Вы?

Домой!

02:15:02

А к Вам никто не приезжал? Вам не разрешалось свидание?

Ну, а кто ко мне мог приехать? Бабушка лежала разбитая параличом, тетя - она за ней ухаживала. С Москвы некому было, а отец мой в это время сидел. Он пять лет получил лагеря, за то, что немцы заставили его там работать, восстанавливать радиоузел- он получил пять лет. В 46 году его осудили, и он только в 51 году освободелся.

02:15:33

А где он?

На Воркуте.

02:15:35

На Воркуте.

Угу, строил там что-то такое, строительством занимался. Я еще ему, вот, в 47-48 году, я ему, он мне прислал, я с ним не переписывался, а я переписывался с его женой. И она присылала в письме, что папа просит, чтобы ты ему прислал справочники там по антеннам, там еще по радио какие-то. Я ему эти справочники нашел- ей отправил, а она уже ему посылкой туда отправила. Ну, он там видно нормально там все-таки перенес все.

02:16:19

А вы как морально вообще справлялись с этим всем? Наверняка было очень тяжело.

Ну, нет, когда я работал, что ничего, нормально все было. Все тут нормально. Ну, положение такое было. Вот, понимаете, вот там был один такой человек, у которого тоже было особое совещание, и он, когда-то в 38 году, или там что-то, срок кончился у него. И его оформляли, между прочим, вот этот вот последний 2-3 месяца окончания срока, психологически заключенные очень тяжело переносят, последние вот эти вот, не спят ночами. Почему я не знаю, но, в общем, все, вот я знаю, сколько там, при мне, такие страшно переживали окончание. Может быть даже по другому поводу. Потому что этот человек, который был на втором лагпункте- подошел конец срока. Ему стали оформлять, все оформили, все и отправили туда. Проходит. На следующий день его привозят обратно, оказывается тк, у которых был суд, трибунал или суд - тех освобождали, а тех, у кого было особое совещание - они получали новый срок. Приезжали туда на освобождение, а им приносили : вот, совещание, особое совещание, Вам еще пять лет дали. Поэтому я думал: жив ли я останусь? Вот это меня больше всего думали, потому что, ну сколько мне тогда было, 25 лет в 49 году было. 25 лет. Ну, думаю, вот 10 лет, мне уже будет 35 лет. Жив ли я останусь? Потому что в этот период с питанием было очень тяжело, потому что сам порядок такой был, понимаете, для заключённых. Для заключенных был установлен такой порядок в смысле питания, значит: пайка была, хлебная, гарантированная- 650 грамм. Вот все эти заключенные, которые там в бухгалтерии работали, получали хлеба 650 грамм в день. Дальше утром, значит, каша какая-нибудь , ну, это обычно, перловая или что-нибудь, овсяная, -один черпак каши полагалось, все- это вот завтрак был. Обед- значит, первая баланда. Баланда была такая: картошку не чистили, вместе с кожурой она туда шла; капуста, если в зимнее время, квашеная, она, если прокисла- она тоже туда, все это дело шло, поэтому запах не приятный был. К нему надо было привыкнуть, чтобы эту пищу употреблять. Это во-вторых. Вот. А для работающих человек, особенно потом, куда я потом попал, где лесоповал - там строго было. Там если выполнил норму, а нормы были очень тяжелые, трудновыполнимые, а подчас вообще не выполнимые, то человек получал дополнительно, если 105% он выполнил. Если 100%, то пайку получал он эту, то, что мы все

получали. А если 105% он получал, то ему добавляли 100 грамм хлеба и еще один черпак каши. Если 110 процентов, еще один черпак и 100 грамм добавляли. И так максимально, 110%, он уже получал 500 грамм. Значит, кило 500 хлеба получал. Ну это редко, кто такие были, и черпак каши. Потому что пилили еще при мне, я еще застал, пилили вручную. Лучковая пила такая была, такой как лук, и узкое лезвие. Вот ее пилили. А там надо было каждому заключенному, там же по бригадам работали, на каждого надо было три куба дать. Это спилить, обрубить и распилить на части, и чтоб этот было три куба на каждого. Это невозможно было. А там все это было построено на взятках, приписывали, за это платили взятки. Целое...Я могу про это рассказать, только попозже немножко. Потому что, когда я попал на это дело, потому что я там же участвовал в этом деле. А на этом лагпункте я просидел вот до какого времени. Однажды, был такой день, мы как обычно, обеденный перерыв, мы пошли в столовую, пообедали, зашли в барак к себе- в это время там лежат газеты, принесли. И вот, помню, это был 51 год, значит, пришла газета «Кировская Правда» и на первой странице постановление Совета Министров СССР ЦК и Совета Министров о строительстве канала Волга-Дон. Значит, есть постановление, будут строить канал Волга-Дон. И тут мы пришли, ну, читаем это все, и там был такой Марочкин, фамилию его я очень помню хорошо. Марочкин этот, он работал в бухгалтерии у нас, там бухгалтерия большая была, по разным видам. И он там работал в бухгалтерии. И этот Марочкин говорит: «Ну, это теперь как Беломорский канал- нашего брата туда загонят и построят канал, какой разговор может быть». Вот эту фразу он сказал, мы тут все были. Буквально через день меня вызывает кум. Кум - это знаете, что такое? Это лагерное прозвище начальника особого отдела, КГБшник при каждом лагере был. Как правило, они чины были небольшие. Начальник лагеря был инвалид войны- без руки у нас, Иванов такой был- младший лейтенант. А он, кум, который там был, майором был. Этот кум меня вызывает, побежал оттуда дневальный и говорит: «Кум тебя вызывает». Я думаю, что такое, кум меня вызывает. Я захожу в кабинет, здравствуйте-здравствуйте, сажусь, вот так вот письменный стол передо мной, я сел, и он тут сидит. «Вот слушай, позавчера у вас лагере...в вашем бараке, в обеденный перерыв, вы там газеты смотрели и Марочкин там произнес такую фразу, что нагонят нашего брата и лагерь будет построен. Ты слышал этот разговор?» Я сразу понял то-то-то: «Что-то такое, такой разговор был». -«Так вот, ты подтверди мне, что такой разговор был». Я говорю : « Я не могу подтвердить, если бы Вы меня заранее предупредили, чтобы я запомнил этот - это дело серьезное, а вдруг я не совсем точно фразу запомнил». Он меня понял сразу в чем дело, он как стукнет по столу кулаком и стекло разбил: «вон отсюда!» Я ушел, вот такой разговор. Ну, вот так вот прошло. Ровно неделя, наверное, только прошла. Вдруг приходит ко мне оттуда нарядчик - собирайся на этап. Я распрощался со всеми, и меня в вагон посадили и отправили на этап. И поезд меня привез, аж на 19 лагпункт, 19-ый, по пути сколько их было тут. Центральный 5, где там управление- все это проехали мимо. И на 19 лагпункт- это был огромный лагпункт- 2500 этих заключенных, при том с большими сроками, там воров очень много было таких, воров-законников. Такие были, всякие там были. Вот. Но, этот нарядчик, на втором лагпункте, который работал вместе с Борисом, он мне дал записку, говорит: « Ты когда приедешь на 19-ый лагпункт, там сразу лагерный нарядчик тебя будет принимать, ты ему эту записочку мою передай». А я говорю: «А как его звать?». - «Его кличка - Красота». А эти все нарядчики, они из воров все, все эти оттуда, воровские все с большими сроками, как правило. - «Дашь ему эту записочку». А он там написал, что я такой-то, тут работал таким-то, чтобы он мне там помог устроиться, чтобы меня сразу на лесоповал не послали. А там занимались в основном чем - лес пилить надо было. Там под командировкой, еще одна 5 км узкоколейная дорога - там 800 человек было заключенных, там тоже лес пилили. Оттуда лес возили по пластинной деревянной дороге на автомашинах сюда на этот, а сюда уже, отсюда вывозили... Вообще это такая дорога. Там вот это вот приписки, заключенные же ведь получали какие-то деньги небольшие, за работу. Им приписывали, чтобы получать пайку хорошую, приписывали. Значит, этот бригадир собирал с заключенных деньги, этот деньги нес туда-то, там давал туда-то, и там давали следующие- и начальники все получали эти деньги, и они приписывали, что они все напилили 3 куба. А где ж потом, потом как выходить из положения? А потом делается пожар. Пожары все время там возникали: «А склад сгорел, все списали». (смеется). Вот такая практика была там. Вот я туда приехал, главное я даже вещи оставил там и костюм свой вот этот, который был. Собрал книги, одних книг у меня собралось там: вещмешок за плечами, и так еще... одних книг собралось целая библиотека. Все это я забрал, а вещи эти оставил, там так они и пропали. Вот приехал туда, там действительно Красота - у него действительно лицо такое, не зря была кличка у него такая. Вот он меня встретил, и меня сразу почему-то отправили в какой-то барак, ни где нары были, а где койки были. В барак я туда зашел, а там как раз все какие-то народ, которые должности занимали. Вот. Прошло какое-то время, а меня где-то там проводили, что будто бы вывозили, там все это налажено, вот эти вот махинации всевозможные. Я не знаю, как, но факт, что прошло...три дня я там сидел. Потом, вдруг, меня вызывает главный бухгалтер- как же его? - Немец из высланных...Бруно, Бруно. Звали Бруно, а фамилию забыл его. Ну ладно, он вызывает. Он главный бухгалтер был там то: «Вот такая есть должность конпарк, здесь есть у нас (конный парк). Это лошади, которыми лошадьми из леса на биржу вывозят хлысты, т.е там спили, например, хлыст называется, - это дерево спилили, сучья обрубил, за ту ветку там зацепили трактором, подтащили сюда и тут грузят на такие лошади, а тут одна санка, и там

еще дальше вторая санка, кладут эти хлысты и по ледяной дорожке, которую все время поливают водой зимой, этими санками вывозят туда на биржу, лесобиржу, где потом разделяют уже этот лес. - «Там есть конпарк, там должен быть счетоводом конпарка, вот мы тебя туда пошлем». Я говорю : «Хорошо». А конпарк - это надо туда. Я говорю: «Но туда же надо ходить». -«Тебя будут пропускать, ты будешь ходить туда без пропуска». И я туда стал ходить на конпарк, там вести эти карточки. На каждую же лошадь ведь ведется целая там... паспорта там, целое дело. Но там хорошо было, что ветврач был заключенный, и там, например, если родился жеребенок, например, у какой-то лошади он право давал, что эта лошадь в этот день на работу не пойдет - она больная, значит. Все, не ходила. Его слушали, этого врача и само ж начальство ездило, возили их в таких дрожках, специальные русаки были, они возили там по участкам, где пилили лес.

02:31:27

А помните день, когда Сталин умер?

А я о нем расскажу, об этом дне, потому что я это запомнил мне на всю жизнь. Я был на подкомандировке 19 этого лагпункта, находился, я уже работал в лесу на лесоповале, работал там. А потом...Я недолго поработал на лесоповале непосредственное принимал участие в работе, а потом меня поставили учетчиком на лесоповале, я вел учет: маркировал, во-первых, лес, уже распиленный, замерял, маркировал: какой это лес- буквы ставил и цифры ставил, то есть размеры. Вот. Вместе с бригадой выходил я, и там, значит, я уезжаю. Начал там ходить, три года прошло после этого, я уже получил пропуск на безконвойное хождение. Вот. Так вот, там на лесоповале...на этом самом лесоповале...конпарке я некоторое время поработал, потом вдруг меня главный бухгалтер вызывает неразборчиво : « У нас тут освободился один диспетчер на телефоне сидит - ты будешь диспетчером тут работать, он тебе там покажет, как там дело. А там по суткам, надо сидеть 12 часов один, а потом 12 часов другой - это телефон, сообщает там оттуда с центрального, что: «Вам подают вагоны под лес» - это путей и сообщений. Там очень строго, что надо успеть. Я сразу бегу, сообщаю в этот барак, бригадир-специальная бригада, которая грузчики, чтобы они вышли на биржу грузить этот лес, и они...а сам оформляю документы. Они мне оттуда сообщают, какой лес погрузили, я накладную, все заполняю - даю, и лес пошел. Я там поработал немного, недолго очень поработал, потому что случилась авария. Когда подавали эти вагоны к нашей бирже, вагон сошел с рельс. Мне оттуда сообщили, я сообщаю туда-туда, вызываю бригаду, тут что. А мне надо было, потом меня начальник вызвал и отругал: надо было в первую очередь ему позвонить, что случилась авария. А я его не стал беспокоить, ночное дежурство. Я говорю: «Вы, что, Вы ж спите, что ж я Вас буду беспокоить?» - «Надо было меня побеспокоить». Но он ко мне хорошо относился, потому что через некоторое время меня опять туда послали на лесоповал, туда меня с этой сняли. Не гожусь я туда работать, на лесоповал. Вот я там на лесоповале. Но так как я имел пропуск, то я ходил в ночную смену работать в лес, пилили ночной лес, тоже самое. Там многие были, с медведем встреча интересная. Рассказать вам, как я с медведем встретился? (смеется) Бригада и я с ними, их пять человек. Один, который распиливает электропилами, там пилили и там рабочие. И вот мы должны были там километра три идти до лесоучастка по пластинной дороге, а по порядку там встречаются прогалины такие. Ну, знаете, там лес же не сплошной. Например, если прогалина такая - бывший лес, там он чем-то зарастает, обычно, зарастает или малинником, или там чем-нибудь другой. Малины там много в лесу. Вот мы так идем, останавливаемся, смотрим - медведь. Ну, расстояние метров 50 от нас. Он сидит вот-так вот, обхватывает вот так вот кусты и обглядывает малину. Мы остановились в недоумении. Во-первых, испугались. Это ж все-таки зверь. Я говорю: «Туда или туда, в какую сторону побежим?» А он только услышал голос, и как маху дал в ту сторону куда-то - удрал от нас. Вот такой случай с медведем. Эх, был бы аппарат, интересно, как он сидит. Фотография с ним был бы, потрясающий снимок был.

02:36:15

Вы тогда как выглядели, у Вас вот борода была, да, нет?

Это в самом конце я запустил, это я уже перед освобождением на 17 лагпункте. Тут поближе...

02:36:27

А сколько всего Вам лагпунктов...

Я был, значит, на втором, на 19-м, на подкомандировке девятнадцатого, и потом на 17-м. Вернее не на 17-м не был, командировка 17-ого - «Березовка». Вот такой тоже маленький лагпункт, лесоповальный, там я побыл, оттуда я пошел уже на этот самый, на освобождение. Так вот, значит, там, я, значит, настал на... ну, там маленький лагпункт был: всего 800 человек там работало. Вот там, например, такой был эпизод: технорук- такая должность была- на каждом лагпункте все эти должности: бухгалтера, техноруки, начальники дорог - это все были

немцы. Высланные немцы, кто с Украины, кто с немцев Поволжья, кто с Украины... Кто с других мест разных. Но удивительно как они по разному: некоторые сосланы туда семьями, просто в выселку туда, а некоторые в лагерь попали- сидели почему-то, некоторым давали срок. Я вот одного там встретил, который получил 25 лет сроку, но он там погиб - под машину попал. Этот, Карл его звали, а фамилию я забыл, он немцев Поволжья, моего возраста. Он, нет, постарше был, потому что он закончил военное училище, стал офицером, лейтенантом, и даже на фронт попал, поехал, а потом, когда было постановление: всех немцев Поволжья отправить туда подальше в Сибирь, Казахстан. Его выдернули оттуда, и почему - то дали срок 25 лет. Тоже решили, что он будет бежать туда к своим что ли? Что он туда побежит, если он тут родился, вырос и все-такое. Ну, в общем, получил. А один был такой, вот начальник дороги был короткой, 5 км от подкомандировки до 19-ого. Узкоколейная дорога была такая. Начальником дороги был, он был даже членом партии, оставался. Я даже над ним подшучивал: он член партии, присутствует на собрании, а он не имеет права никуда выезжать оттуда. Он должен каждый месяц явиться в районный... отделение МГБ и там отметиться. Отмечаться каждый месяц должен. Я говорю: «Ты ж член партии, а чего ты туда ходишь отмечаться?» - «А я знаю?» - говорит - «Вот такое положение». (смеется). Вот такое положение у немцев было. Да. И вот, там как раз получил. Я в ночную смену-то работал, я пришел с ночной смены и сижу в бараке, а в это время в 7 часов развод - это, значит, выходят все перед воротами, выход туда, и проходная здесь - это на так на каждом лагпункте такая штука. Все эти побригадно все выстраиваются. Стоит нарядчик, учетчик тут, и они по порядку выпускают и записывают сколько. Конвой же принимает дальше и ведут их в лес. И вот выпустили. А над воротами висит огромный, знаете такой, репродуктор обычно вешают такой большой, там радио работало. И вот 5 марта, только еще ворота не открыли, а Левитан вдруг объявляет последние известия, а народ все стоит, ждет тут, заключенные ж вышли на работу вести. Объявление, он таким тоном: «5 марта в таком-то часу скончался там великий вождь народов Иосиф Виссарионович Сталин». Восемьсот человек: «Ура!» и стали все шапки подбрасывать вверх. И начальник было открыл ворота, сразу закрыли ворота - не знал, что делать. Тут было сплошное, и заключенные, и эти самые, уголовники тоже кричали ура. Потому что не знали, раз такое будет, то обязательно будет и амнистия, все будет - перемены будут обязательно. И вот это... Потом прошло некоторое время, и ворота открылись, и вышли, прошли ворота - мы потом, пропускники которые, они потом выходят. Я вышел, по пропуску выхожу, подхожу, а мне там мой пропуск выдают, я только номер говорю, мне выдают. Смотрю начальник стоит, Чупраков его фамилия, помню, старший лейтенант. Я подхожу, как обычно: «Здравствуйте, гражданин начальник» - так положено было. Он говорит: «Как же мы теперь будем жить?» - он говорит. Я ничего не ответил, пошел дальше. Думаю... Ну, в общем, потом действительно была объявлена тут же амнистия, но амнистия только для тех, у кого срок был до 5 лет. А с такими политическими заключенными, таких сроков ни у кого не было, поэтому они все остались, а вот уголовники-то все и пошли. И их настолько сразу обмелело это, все это, что некоторые лагпункты стали даже закрываться. Закрылась вот эта подкомандировка, и я опять попал на 19 лагпункт, опять туда попал. А этот закрыли, а оттуда, прошло некоторое время, меня оттуда... всех, 58 статью стали изымать, чтобы только остались одни уголовники и меня опять на этап, отправили на 17-ый. А семнадцатый лагпункт - это был только 58 статьи.

02:43:02

А зачем так делали? Почему разделяли?

Я не знаю, только отделили их, разделили их. Вот. Ну, и к нам после этого там отношение сразу изменилось в корни.

02:43:15

В каком смысле?

В каком смысле? В том, что мы стали, нам разрешили даже выйти свободно. Если здесь есть помещение на поселке, то поместиться здесь, жить в поселке где-нибудь. Брать продукты, продукты получать в сухом виде и сами себе готовить. Ходить свободно, здесь куда хочешь: ни обыска, ничего. Вот такая вот. Я последние свои, бородатый был, я бороду сбрил, только когда уже пошел на освобождение. А то меня, уже ведь, все дедом называли, а я 32 года. Кто не знал: «Дед!». (Смеется) И главное вот что, тут же сразу начались пересмотры дел. И пересмотр дел: просто приезжали специальные такие делегации, и они начали... прямо по лагпунктам начали ходить. И многие эти. И вот этот самый Изя тоже, он тоже попал под это дело, он сразу. А эти, которые пересматривали дела, они все вот эти вот 58 статью, вот эти вот десятилетники все, на особое совещание сразу давали справку о реабилитации, получали все. И я ждал, что ко мне тоже, я же на 17 лагпункте, что ко мне подъедут сюда. А меня вдруг вызывают: у тебя конец срока с зачетом рабочих дней. Все, тебя. Я, говорит... начальник мне говорит: «я тебя не имею права ни одного дня держать». И меня отправили туда на первый лагпункт этот, и там тоже. Я говорю, так тоже... комиссия уже поехала потом дальше, уже где-то на 5-м лагпункте, и там всех освобождает. И я получил паспорт там же на этом 1 лагпункте, в котором написано:

паспорт выдан на основании справки номер такой-то, а это уже сигнал, что тебе нигде не пропишут, что это заключенный - бесправный, так сказать, человек. И я с таким паспортом в Москву приехал, куда мне деться? Прописаться никуда не могу, ничего. И вот моя тетя - эта тетя Рая, она работала на швейной фабрике там на какой-то в Москве, и там у нее работала инженером какая-то женщина, у которой сестра живет в Клину. И она там видно с ней говорила: «Поезжай вот в Клин, там у нее сестра живет. Ты можешь там остановиться - походи там, можешь там ты сможешь прописаться». Вот я почему и попал в Клин-то. Приехал в Клин сюда, захожу к начальнику паспортного стола, такой я забыл, как его фамилия была, старший лейтенант, я говорю: «Я вот такой-то, такой-то с Москвы приехал, жил там, там не берут». - «А мы заключенных не берем таких, нам такие тут не нужны». И я уехал ни с чем. Пошел я, решил пойти в управление этого самого...главной прокуратуры нашей - ну, пересматриваются же дела. Говорит, ты должен подать заявление, чтобы пересмотрели твоё дело. Сейчас же прокуратура этим занимается, я пошел в главную прокуратуру Москвы. Пришел туда, а там я попал на прием к одному заместителю. Как его фамилия? А он в 49-м году, заместитель главного прокурора, был главный прокурор КГБ на транспорте работал, его подпись стояла под моим ордером на арест. Мне бы надо было промолчать дураку, но я пришел туда и говорю ему: «Вы мне подписывали тогда ордер, я вот освободился, мне надо чтобы пересмотрели» (смеется). Он переменялся в лице и не стал со мной разговаривать, и я от него ушел, так что не прошло дело. И тогда я, что же делать, поехал, пошел в областную прокуратуру милиции, она находится у Сретенских ворот, вот там не далеко от памятника Крупской, вот там в стороне, в переулочке находится областная милиция. Я стоял там в очереди, стоял очень долго часа три-пол дня, пока дошел до этого генерал-майора - вот такое лицо, вот такой квадратный сидит. Я к нему, говорю: «Вот такая картина, меня не прописывают. Куда мне, обратно, в лагерь что ли ехать?». - «А это, говорит, не мое дело, дело ваше. А нам зачем такая публика какая-то подозрительная - заключенные всякие будут засорять Москву и Московскую область». Я выхожу, а эта секретарша, девочка молоденькая такая сидит: «Неудача у Вас, наверное?». Я говорю: «Да ну, послали, теперь не знаю куда идти, куда мне прописаться?». Она: «Вы знаете, Вы поднимитесь на второй этаж, там полковник сидит, там очереди никакой нет - Вы поговорите с ним». Я поднялся, действительно, там никого нет. Я к нему, рассказываю ему это дело, а он: «А Вы по какой статье?» Я говорю: «58-10, особое совещание, 10 лет». - «Давайте бумажку». Прописать постоянно написал, расписался. Я приехал в Клин, даю этому. Он: «Это другое дело. Ищите квартиру, где Вы будете жить». Вот так я оказался в Клину. Теперь, хотел бы я... А что, о Борисе рассказать? О Борисе я уже Вам рассказывал, да? Я потом, кто еще такие были интересные люди: скрипач был такой, Владимир Кузьмич Староверов. Он работал... Он был скрипач, консерваторию закончил, и работал преподавателем музыкальной школы. По-моему, так. Да, преподавателем. И вот там тоже, как его посадили-то интересно. Его привезли-то в 51 году, я с ним так познакомился, мы с ним подружились очень и дружили все время, пока он не умер - он 18 года рождения. Было партийное собрание, или там какое-то собрание, там что-то обсуждали, там какое-то опять о строительстве коммунизма, какая-то лекция, что ли была. И вот они все выходят там вместе после окончания собрания, и этот Владимир Кузьмич: «Конечно, то, что нам рассказали сейчас на собрании» - он делится с приятелями - «Конечно, интересно было б жить до этого, но разве мы доживем до этого дела?» Вот все, что он только сказал, и этот «капнул». И тоже самое по 58-10 получил: особое совещание, 10 лет. Но он был там на ближайшем лагпункте, так что его там сразу освободили, по амнистии сразу был освобожден. Так что он тут вернулся в эту, в музыкальной школе так он и работал преподавателем.

02:52:25

А чем между собой отличались эти лагерные пункты?

Чем отличались? Во-первых, самое главное, кто на данном пункте из заключенных является хозяином. Это было важно знать и начальству, они знали, конечно, то, что от них это все зависело. Если лагпункт, находился как я на 2-м был и на 19-м, там Красота был, да. А здесь Абрамов этот был этот нарядчиком. Они в прошлом были воры в законе, а потом они согласились сотрудничать с лагерным начальником, и их поставили нарядчиками, бригадирами, и так далее. Для воров в законе они являлись изменниками, и по воровскому закону они подлежали уничтожению, у них такой закон. Поэтому...А на других некоторых лагпунктах воры в законе были хозяевами, туда уже таких людей, их называли «ссучными» - то есть, изменниками, как бы. Их туда не привозили. Их когда везут, уже знали, на какой лагпункт его повезти, потому что только он туда войдет - его там сразу прикончат. Также и воров, сюда если воров привозили, где эти самые 19-ый, то они там бывали. Ну, он сидит там, все. За ним ухаживают воры, на работу он не ходит, не работает. Вор в законе же не должен работать, они никогда не работали - законники эти. Воры в законе. Они сидят, даже обслуживание, ему еду принесут, все для них сделают. Вот такой порядок был, поэтому так делились: лагерь на лагерь.

02:54:27

А чувство несправедливости Вас мучило? Ну как Вы с этим боролись?

Ну, как я мог бороться? Борьбы я там никакой не мог, неразборчиво просто какая-то компания нас собиралась, конечно. Потому что всех этих, кто там стукачи занимался, поэтому мы избегали там разговоры вести при них. Ну, знали, что это стукач- ну, и Бог с ним, значит, при нем надо быть острожным, и больше ничего. А так между собой, конечно, дружба-то завязалась, естественно, это ж зависит от общих взглядов, это ж не так просто. Вот с Борькой, с Мазусом мы подружились, это компания у нас такая своя была. Староверов там в этой компании тоже был, там еще некоторые: Докучаев такой был, Иван Иванович- бывший крупный партийный работник Севера, в 38 году когда там много этих попадало, и он попадал. Так что, он срок отбыл, ему еще прибавили- сидел там он. Священников очень много было, священников много было Вот Габронс был, это католический священник из Литвы. Он там в бухгалтерии работал. Вот я с ним общался, к нему очень верующие все время посылки посылали. Вот он очень так, такой был. В разговоры он старался не вступать. Еще один старичок интересный был в нашем бараке. Как же его... бывший полковник Белой армии. Он, когда революция произошла, он не участвовал в Гражданской войне, он просто бросил все и стал жить там в каком-то пригороде, там жил, жил, а потом, где-то, кто-то из его сослуживцев встретился с каким-то старым: «А, ты живой?! Боже, ты не иммигрировал, тут живешь?». И он, видно, куда-то где-то соответственно сообщил, его сразу арестовали: «Как! Белый офицер, ты скрыл это дело, да». А ему было уже за 80 лет, ему дали 10 лет. Вот он мне все время: «Вы молодой человек, Вы поменьше разговаривайте, тут кругом-кругом, можно еще новый срок схватить». (смеется). Вот такие были люди, интересные люди были там. Артистов сколько там было. Знаете такую Зою Федорову, слышали такую артистку, да? Зоя Федорова, вот она там была.

02:57:39

Приезжала?

А?

02:57:41

Приезжала?

Нет, она сидела там.

02:57:43

Сидела?

Она ж срок имела 25 лет. Она была на приеме у посольства американского, и туда...наши начальники были по случаю чего-то, и туда пригласили некоторых артистов, которые там выступили. И она там познакомилась с лейтенантом морского офицера, этого, американцем, который военно-морским атташентом там работал. Она с ним познакомилась, стала с ним встречаться, и вот ее посадили- дали 25 лет, а его выслали тут. А она от него дочку родила, и она получила 25 лет. А он сколько писал, все, и она ему... они не могли понять друг друга, только после смерти Сталина они нашли друг друга. А он уже стал адмиралом в отставке, и она туда съездила, а дочка туда съездила и осталась там, не вернулась. Она и сейчас там живет, ее дочка.

02:58:51

А расскажите еще поподробнее про то, как Вам сообщили об освобождении и про сам день освобождения.

Моего освобождения? Так мне как, освобождения...ко мне просто начальник подошел и сказал: «Тебе тут вот скоро на днях будет освобождение. Рабочие дни подсчитали, тебе подходит вот такого-то числа». Я говорю: «Так может комиссия приедет?» Он говорит: «Комиссия еще только где-то на 5-м или на 7-м лагпункте, а наш 17-м - еще вон сколько проедет, тут еще месяцы ждать, чтобы она сюда приехала, а я тебя держать не имею права». Вот так-то и сообщил, так что я знал, когда меня освободят. Что вот дни должны подходить, потому что я тоже учет вел своих зачетов рабочих дней.

02:59:51

Вы переживали о том, как у Вас может сложиться жизнь после лагеря? Думали об этом тогда?

Думал, конечно, думал, но я не знал, как. Я почему-то предполагал, что раз идет пересмотр

дел, и мне уже сообщили, что тут все, уже пересмотрели, приехали они уже, устраиваются, все. Студенты некоторые эти, которые были, пересмотрели, они уже вернулись в институт, их вернули в институт - они стали там учиться. Я так и рассчитывал, ну, когда сунулся, тут все. Паспорт такой, что ни туда, ни сюда.

03:00:25

Ну а потом, когда Вы получили прописку, как у Вас жизнь дальше складывалась?

Здесь я поступил, где искать, какую работу искать, я пошел в строительное управление, тут меня приняли. Меня хорошо приняли там, я сказал, кто я, чего, и меня сразу поставили бригадиром разнорабочих, я стал работать бригадиром разнорабочих, а потом немножко поработали: «Так у тебя же все-таки три курса института-то у тебя есть, ты прорабом сможешь работать». (смеется). Я стал работать прорабом, и стал у них работать прорабом. И так проработал пока...до самой пенсии. Вот это весь Клин строил, школы все построил, что-то я только...смотрю, вон корпус тот строил, вот тот корпус стеклозавода, то есть...как он называется «Лаборприбор», вот так, завод, и механический цех я там строил, вот тот корпус четырехэтажный строил, четыре школы я тут построил, домов сколько. Ведь все-таки много-40...Нет, с какого? С 50... С января 57 года по конец января 84. Я ни одного дня лишнего не проработал, только 60 исполнилось мне - я сразу вышел. А так как прораб получал 180 рублей зарплаты, а рабочие, у меня монтажников бригада была, - собирали панельные дома эти - они зарабатывали 250-300 рублей в месяц. Значит, какая пенсия у меня будет? Я даже до 130 рублей не набирал, что мне делать? И я пошел к начальнику, говорю: «Я уйду в эту бригаду работать». И вот мне 59- уже вот-вот 60 лет, и я в эту бригаду, а они меня приняли, я с рабочими в хороших отношениях был. Меня уважали. И я целый год, последний, проработал такелажником, то есть я, вот, машины встречал, зацепить, прицепить, разгрузить раствор, занимался этим - целый год проработал. И потом, когда стал уходить на пенсию, я пенсию отмечал, уже эту квартиру получил, вся бригада вот эта вот пришла. А начальство с управления - никого не позвал (смеется).

03:03:41

А в каком году реабилитация была у Вас?

Реабилитация? Да я же тут о реабилитации, у меня не было, и Вы понимаете, как интересно получилось. Что я, когда приехал в этот самый Клин, прописался я в Клину, да? где жить? Я пошел в деревню, Майданово, рядом тут, недалеко. И там в частном доме угол мне отвели около печки, топчан сделали, сами тут живут в этой комнате: значит, старушка, дочь ее, и внучка ее, и мне там отвели. 10 рублей в месяц я платил за это дело, а в пятницу вечером я в Москву уезжал, и только в понедельник утром ранней первой электричкой я на работу приезжал сюда. Вот так шла работа у меня. Вот. Неразборчиво. Смотрю, только стал там жить, работать, смотрю, каждый вечер участковый милиционер приходит ко мне в дом. Участковый милиционер. Потом он походил недели две, потом...а я его спрашиваю: «А чего Вы сюда ходите ко мне?» - «Неразборчиво. Я проверяю, на месте ли ты тут живешь» Я говорю: «Откуда такое указание?» - «С КГБ». А думаю, значит, они меня тут знают. Потом они меня...однажды начальник меня, я где-то на участке работаю, мне по телефону звонит, Салманов был такой, звонит: после работы в 5 часов я тебя жду в моем кабинете. Думаю, что такое, что случилось, наверное, что. Я приезжаю в управление, захожу в кабинет, а у него там несколько человек сидит. Он: «Посиди, подожди». Когда все уже ушли, он встал из-за стола, подошел ко мне: «Тебя сегодня вечером в КГБ вызывают» - шепотом говорит, Вы представляете, наш начальник боится этих органов. Я прихожу, где-то что, мне тут рассказали, где КГБ, где военкомат, на втором этаже там они находятся, там отдельный ход. Я поднялся по лестнице. Звонок, там одна только дверь, в звонок звоню, только дверь открывают: «А, Виталий Анатольевич - руку мне жмут». Что такое думаю. «А мы Вас ждем». В кабинет начальника меня провели, посадили: «Ну, как Вы устроились, как у Вас дела?» Я говорю: «Да вот работаю, живу вот там». - «У Вас, если есть какие-нибудь, может быть, есть претензии, может быть, какие-нибудь Вам помочь надо в чем-нибудь. Теперь уже КГБ совсем другая организация. Вот мы, например, - два тут сидят - я говорю, закончил МГУ. А этот - я закончил технический институт. Ну, вот меня пригласили работать в КГБ, я и работаю. Так что мы теперь совсем другие люди». Это они мне толкуют, ну я сижу, молчу, я говорю: «Нет, у меня нормально пока все». Потом проходит. «Ну, Вы в случае чего звоните, приходите, если Вам чего-нибудь надо будет». Ну ладно, думаю, ладно. Потом прошло, наверное, месяца два, а перед этим этот самый участковый: «Слушай, ты сходи там в это КГБ, ты и им скажи, что они меня морочат - я каждый день должен до 10 вечера обязательно тебя проверять, что я тут». И вот меня вдруг вызывают опять в КГБ, я им говорю: «Тут жаловался на Вас участковый, что Вы его посылаете проверять. Куда ж я денусь, я же там живу, ночуя я там, а куда ж, только на воскресенье я уезжаю в Москву, и субботу. А там, я там и живу». - «Ладно, мы скажем». И действительно, перестал он ходить. А вызывали меня вот по какому поводу: значит, я ездил, когда-то еду в электричке домой, я выписывал этот журнал «Новый Мир», и читал этот журнал в номере, а он шел этот один из этих. Они мне как-

то в городе встречаются и за ручку здороваются все. Он подошел ко мне: Здравсьте-Здравсьте. «Откуда Вы?» Я говорю: «Из Москвы, был в театре, еду сегодня домой - завтра уже мне на работу». - «Читаете «Новый Мир?»» Я говорю: «Я его постоянно выписываю, тут же и Солженицин тут печатается, тут все печатаются. Я его читаю этот журнал». - «Да, журнал очень хороший, журнал, очень хороший». И пошел. А вызвали меня вот по какому поводу: «У нас есть сведения, что Вы занимаетесь перепиской с заграницей, и не в одну страну Вы письма пишете. Какая у Вас цель, для чего Вы это делаете?» Я говорю: «Я филателист, с малых лет, с 8-ми летнего возраста занимаюсь марками, собираю почтовые марки. Поэтому через наш журнал «Филателия», ежемесячный, который я выписываю, я там прочел объявление: желающие филателисты заграницей переписываться». Вот я и переписываюсь: пишу в Польшу, пишу в Румынию и пишу во Францию и в Югославию. Вот у меня 4 есть адреса, я пишу. А недавно мне адрес дали, я и в Америку пишу. Там у меня появился корреспондент, с которым я обмениваюсь марками: я ему высылаю марки наши, а он мне присылает марки этого. Вот и все, там никакой переписки нет». - «Даа, ну тогда понятно-понятно, хорошо. Вы знаете, вот, в газете Правда появилась большая статья на целую страницу о архиепископе Иоанне Сан-Франциском, он в прошлом титулованный, он бывший князь». Я говорю: «Я этого человека знаю». - «Ах, Вы с ним знакомы?!» -«А как же знаком» -«Вы с ним переписываетесь?» я говорю: «Вот, как раз марками я с ним занимаюсь, с марками занимаюсь с ним». А я познакомился с ним в Берлине, у него там был храм, он был тогда архимандритом, и я туда в этот храм русский несколько раз ходил, и с ним там встречался. А он моего дядю Сашу хорошо знал по Югославии, близок с ним был. Вот поэтому я его и знаю. «Ну, и как он вообще как человек?» Я говорю: «Мне понравился, очень хороший, очень образованный человек, все. Он сам и стихи пишет, и у него и труды есть и философские, и религиозные есть. Я знаю его». - «Но вот в Правде большая газета очень о нем очень написана, что он, оказывается, приезжал в Испанию, когда во время там войны...когда в 35 году, там франкистская, республиканская война была. И он там встречался с нашими военнопленными людьми, вербовал их, чтобы они ехали на Запад». Я говорю: «Может быть, он там и бывал, но как он мог вербовать? Предлагал, может быть, чтобы им туда переехать, если они хотят, конечно, что значит вербовал? В это я поверю. А так, то, что там написано, я читал в этой газете, все, говорю, вранье, потому что я этого человек знаю».

03:12:43

А когда вы ознакомились с материалом своего дела? Когда Вы смогли ознакомиться с ним?

С материалом своего дела? Я ознакомился со своим материалом, когда уже уезжал в лагерь, меня отвезли в лагерь, вот там я немножко полистал, один денечек вечером я посидел, перед тем как отправить. Вот они мне дали почитать, я и там вот нашел, откуда это пошло, что этот самый, вот еврейчик. Потом, кстати, я своих студентов встречал и я спрашивал его, а он, говорит, тогда рассчитался в том же году, он куда-то уехал, он с нами не учился дальше. Куда-то, говорит, он делся. Так что я не нашел того человека.

03:13:30

Я смотрю, у Вас много Солженицына. Вы...

Ну как же, ну, как же, Солженицына я, конечно, читал же «Новый мир», «Один день Ивана Денисовича» это ж.

03:13:48

Похожи лагерные будни у Ивана Денисовича?

Похожи, конечно, это начальная стадия моего, потому что после смерти Сталина, уже паек таких не было: распределение там за перевыполнение плана -уже этого не было. Просто была определенная еда и все.

03:14:10

А как лагерь на Ваш характер повлиял?

Во-первых, общение ведь с воровьем- это очень, во-первых, в разговорной речи- вот это мат, там ведь за каждым словом мат, потом отдельные слова чисто такие, воровского, так сказать типа, они тоже стали прививаться. Они стали употребление, вошли у меня...Потом постепенно, постепенно они от меня стали отходить, но я их очень хорошо помню все-таки, когда встречаются мне в литературе, то я уже все прекрасно понимаю- переводить мне не надо, что это обозначает. Вот. И, ну, что еще, что лагерное осталось?

03:15:05

Вы как-то поменялись, может быть, более жестче стали?Более..

Нет, наверное, нет.

03:15:20

Чтобы там выжить, каким надо быть человеком?

М?

03:15:24

Чтобы там выжить, каким нужно быть человеком?

Ну, терпения надо иметь, конечно, терпения надо иметь, вот- это первое. Конечно, можно там, в лагере, стать стукачом, стукачом если станешь в лагере, то тебе будут какие-то поощрения, будет. Будут тебя все-таки оберегать начальство и все-такое, но стукачи они среди даже этих всех воров, даже стукачей, они авторитетом не пользовались, скорее наоборот к ним относились отрицательно. Поэтому там же ведь потом вот этот вот... наркотики, особенно в восточно-европейские страны, их там тоже же много было. Они посылки получали, и вот им в посылках им присылали какую-то траву- гашиш. Нет, не гашиш, как же это она называлась, трава эта?

03:16:40

Марихуана?

Нет, нет. Это названия уже чисто такие, наркотические. Уже готовый материал. А то там какая-то травка ихняя, она почему-то в посылках как-то там проходила, и они там этим самым на это самое. Мне сколько раз предлагали, я даже и попробовать не хочу, а вот этот скрипач Владимир Ильич, он стукнул на это дело- согласился попробовать, но не этот наркотик, а чай, чифир называется, знаете, чай. Чаю много. Чай же продавали там в ларьке, можно покупать было, пожалуйста, чай. И вот целую пачку заваривают на пол литровую банку, и целую пачку туда чаю, и вот они его пьют, вот, и сразу зрочки вот такие вот. Ну, вот этот самый Владимир Кузьмич, при мне это было дело, мы в бараке сидели и его уговорили: «Владимир Кузьмич, ты должен, в лагере побыл, будешь иметь представление, что такое чифир». Вот дали ему этого чифира выпить, у него впечатление такое было, что он сразу побежал в ларек, аппетит появился такой страшный, что он сразу стал покупать и есть, есть, есть и есть. Представляете вот такое так, на кого как видно действует. (Смеется). Ну, вот такое было. Ну и, что еще Вам рассказать? Здесь, как у меня здесь получилась реабилитация, эта, да? Мне все время и сын мой, и жена, и родственники : Ну ты напиши,- я говорю: «ну, почему я должен писать? Раз я буду писать- это значит, я прошу. А почему я должен просить, если я не виноват?». А обо мне они знают больше, чем надо - я ж сидел, там все досконально известно: что я, где я был, что я делал. Поэтому там совершенно все ясно. Они должны сами сделать это, а я должен просить: а мне дадут или не дадут. Я говорю: «я принципиально не пойду на это дело». Я так и не пошел, а случилось это уже. Я, значит, Сталин умер, после 91 года, уже вроде этот, советская власть кончилась, уже по новому плану я как бывший заключенный. Я тут занялся этими делами, я же еще работал тогда, и я пошел в пенсионный фонд к нам и узнал, сколько у нас тут живет реабилитированных, я всех и их нашел- 30 человек нашел. Организацию такую создал свою тут свою, а потом, оказывается, уже такая организация есть реабилитированных. Немиров там такой был бывший, он возглавлял эту организацию, вот. Я тут всех обошел, всех, знаю даже...но они сейчас на сегодняшний день я тут один остался - уже все поумирили. Я то молодой, моложе всех был, а тут все старики были, многие на Колыме побывали. Тут бывали разные, тут электрик один... Вот. Ну, а я, значит, тут так работал. Потом вдруг, уже тут было дело, я ушел в магазин, или куда-то отошел, прихожу, жена а говорит: «Тут с военкомата приходили». -Говорю? «Чегой-то приходили с военкомата?» - «Они пришли и попросили какую-нибудь твою фотографию». Я говорю: «Для чего?!» - « А я, говорит, не спросила»- « А ты что, говорю, не могла спросить для чего. А ты знаешь, что это с военкомата, может это вор какой приходил, черт его знает. Ты тоже это расслабилась». А я ему где-то у нас документы...Я ему дала маленькую фотографию. А я в недоумении, почему с военкомата. Правда было такое дело, я еще жил там, помню, на частной квартире, мне уже было, наверное, 40.. лет 48 или 45, вот так вот, да. Вдруг приходит повестка из военкомата: меня на месяц на курсы в этот, в Солнечногорск, тут военные курсы, меня тут на месяц призвали в армию. Для чего я так и не понял, в 48 лет. Мне звания никакого не было, я был рядовым, а вот месяц я все-таки отслужил, хотя в субботу и в воскресенье отпускали домой меня. Но там какой-то батальон связи меня поместили, месяц туда походил (смеется). Но, думаю, по этому поводу еще что ли, не знаю? А потом прошло дня два-три, опять меня дома не было, я прихожу домой, жена говорит: «Приходили из военкомата, принесли тебе вот эту вот книжку- реабилитированный». Реабилитация полная, и все в порядке. А почему с военкомата? Может быть они так сказали, а сами пришли из другого места (смеется). Может и такое быть.

03:22:47

Ну да, то есть получается вот эта фотография, Вы в день ареста, а вот эта уже ближе к освобождению, да?

Вот эта к освобождению, это да, это именно перед освобождением. Я вот сбрил бороду, а потом пошел назад. И ведь борода у меня интересная была, почему-то рыжая. Я ведь блондин был, очень светлый. Видите волосы какие? Мне всегда помню в детстве: «Тебе что мама сметаной голову намазала?» - так говорили, вот. А усы у меня были почему-то желтовато-белые, вот, они были светлыми, а борода почему-то красновато, такая, рыжая была, и она почему-то делилась, или потому что борода здесь, как-то на две части делалась.

03:23:42

А кто делал эту фотографию?

А это один из заключенных, тоже он уже аппарат приобрел, там все. И он там сделал снимков... У меня там где-то снимки есть, но я там везде с бородой.

03:24:01

А сколько вам здесь лет, на этой фотографии?

25, в январе я отметил 25-летие свое. Было это в 11 часов вечера на Лесной улице, 9 марта. А это, значит, когда будет, Вам сказать... Это март. В первых числах марта 56 года, приблизительно за неделю до освобождения, 17 лагпункт Вятлага.